

P-201070

КРИСТИНА РОЙ

РАБОТНИК

Кристина Рой

P-201064

РАБОТНИК

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

РАБОТНИК

Рой Кристина

Работник. Повесть. Перевод со словацкого.
Издание 2-ое, исправленное, 95 стр.

© 1990 Издательство „Свет на Востоке“, Корнталь

ГЛАВА I

Как-то раз, когда старик Ондрачик особенно нуждался в рабочих руках и не знал, где их найти, к нему нежданно-негаданно пришёл молодой парень.

Это было в воскресенье вечером, в самый разгар жатвы. Ондрачик сидел у себя в саду перед домом и, положив голову на руки, думал. Вдруг во дворе залаяла собака, и перед удивлённым хозяином предстал молодой, здоровый, чисто одетый парень. Молодой человек почтительно поздоровался и сказал, что зашёл спросить, не найдётся ли ему дела.

Ондрачик был не из тех, кто сразу берёт на работу первого встречного, но на этот раз парень показался ему на вид очень порядочным, да и очень уж нужен был ему работник в доме.

Жена лежала больная. Оба зятя ушли из дому: один в прошлом году, другой нынешнею весною. Оба уехали в Америку и туда же вызвали своих жён. В доме осталась одна шестнадцатилетняя дочь. Правда, был ещё пастух, но тот подрался в деревне и теперь лежал больной у своей матери.

Поэтому Ондрачик нанял парня. Про себя он подумал:

— Что ж, попробую. Подержу его, пока пастух Андрей поправится.

Они условились, сколько парень будет получать подённо и какая будет плата, если он останется на всю жатву.

В ту ночь Ондрачик спал так хорошо, как уже давно не спал, а его жена, если не могла по-прежнему сомкнуть глаз, то, по крайней мере, не тревожилась, как её муж справится с работой.

В новом работнике Ондрачику нравилось всё, только одно имя казалось странным: его звали Мефодий Рузанский. Положим, апостол славян, который когда-то жил в Нитре и здесь проповедовал народу Слово Божие, также именовался Мефодием, однако крестьяне своим сыновьям такого имени не давали, особенно католики. Впрочем, человек привыкает ко всему, привыкли и жители деревни к имени Мефодий. Держал он себя обособленно, однако на селе пришли к общему выводу, что Ондрачик нашёл себе хорошего работника.

Что парень был хорошим работником, это Ондрачик знал и сам не хуже других. Парень не пил, и потому у него не бывало на деревне ни буйства, ни драки с ребятами. Он не курил — не надо было бояться, что из-за него сгорит амбар. На неделе он работал с раннего утра до поздней ночи, а в праздник отдыхал за книгой. Бранного

или грубого слова от него не услышишь: он всегда в хорошем расположении духа. Если Дорка, дочь хозяина, и начнёт за столом во время еды ссориться, а отец станет её бранить, парень всегда уступал ей и не сердился.

Хозяину всё это очень нравилось, и он предложил парню и после жатвы остаться у него в работниках.

— Хорошо, — согласился Мефодий, — я останусь у вас, только с условием: если вы наймёте меня на два года и если вы мне позволите устроить моё помещение подле сарая.

Хозяин удивился: какое там может быть помещение?

— Вы увидите, как это будет хорошо, — говорил работник. — Только уговор: всё, что я сюда вложу, на случай моего ухода от вас вы должны будете мне уплатить, если оно вам понравится и если вы захотите воспользоваться им; если же нет, за мной остаётся право разобрать мой домик и продать.

Ондрачик согласился, и как только настали первые дождливые дни, когда нельзя было работать в поле, парень наташил к сараю досок и стал плотничать. Он проработал всего два дня, и когда всё было готово, пригласил сюда хозяина и его дочь.

Старый Ондрачик засмеялся:

— Вот так комната! Лучше нашей! Только как ты будешь тут зимовать?

— Ничего, я могу спать и в холоде, а днём греться буду у вас.

Из оставшихся досок Мефодий сколотил стол, потом купил соломенную постель и соломенный стул, а в углу поместил шкаф и вешалку.

Вышло очень мило, особенно когда он немного спустя проделал вверху окна, через которые открывался прекрасный вид на соседние горы и леса, на далёкие луга и поля и на такое прелестное порою, хотя теперь и часто серое, небо.

Ближайшими соседями Ондрачика были Петрачи. У них был двадцатилетний сын Самко, очень толковый и милый юноша, но несмотря на то, что родители его были зажиточные люди, он не умел ни читать, ни писать. Произошло это по той причине, что он был разбит параличем. Он с большим трудом мог двигаться в доме и кое-что делать, но на большее сил его не хватало.

Жена Петрача жалела бедного Самко и любила его более других детей, отец же относился к нему не особенно ласково. Старика досадовало, что сын — такой большой парень — в хозяйстве ничем не может помочь, а будет всегда сидеть на шее обузой. И не будь у Самко любви матери, его юность в родном доме была бы довольно печальна. Будущее же представлялось ему совсем унылым. И как это часто случается, что именно те, которые не могут двигаться,

бывают способны совершить великие дела на свете, так это было и с ним.

Как-то раз в праздник сидел Самко после обеда в саду. Было ему очень одиноко. Он сидел, подперев голову руками, обдумывая свою горькую долю. Неожиданно он увидел перед собой соседского работника с книгой в руках.

Юношу охватила злобная зависть.

— Вот, простой работник и может читать, а я — дурак дураком, — подумал он и с большим трудом ответил на дружелюбное приветствие.

— Ты тут один сидишь и, конечно, скучаешь, — заговорил Мефодий. — Я принёс тебе книгу.

Самко вспыхнул:

— На что мне книга, когда я не знаю ни одной буквы, — сказал он мрачно.

— Прости, я этого не знал, но это ничего: если ты хочешь, я присяду к тебе и буду читать вслух.

Так началось знакомство новых соседей.

Подле забора Петрача приютилась хижина еврея Давида. Он жил там совсем один. Его одиночество разделяли только две козы, с которыми он и бродил целыми днями по соседним деревням. Старый еврей собирал тряпки, кости и другой ненужный хлам. Крестьянки сберегали всё это для Давида, а Давид взамен снабжал их нитками и иголками. В более ранние годы он ходил со своим мешком далеко, но теперь бродил только поблизости.

Старый Давид был очень хорошим человеком. Но вот смеющимся его никто никогда не видел.

В жизни старый Давид видел много горя, но всё это он перенёс терпеливо. Между прочим, рассказывали, что Давид прежде, нежели поселиться в Градове, где жил теперь, был женат, но что кто-то у него увёз жену. Впрочем, кто знает, правда это или нет.

По другую сторону Ондрачика, к немалой досаде последнего, жил Мартын Подгайский. Мартын был сапожником и таким пьяницей, что все сторонились его. С ним жила одна мать, а жена не смогла вынести его пьянства и предпочла уйти в услужение, откуда и присылала детям платья и сапоги, иначе зимой они могли бы замёрзнуть. Она кое-что присылала также и свекрови в благодарность за уход за детьми. Пробовала было первое время посылать рубашки и мужу, но он всё это пропивал, и она, раздосадованная, больше посылок не присылала.

Однажды Мефодий нашёл Подгайского мертвецки пьяным, уткнувшимся в болото и почти задохнувшимся. Рот, нос, уши были полны ила. Поднять пьяного Мефодий был не в силах. К счастью, мимо проходил цыган. Мефодий попросил его помочь, и они вдвоём отнесли несчастного пьяницу к дому Ондрачика и положили там в сарае на солому.

Мефодий согрел воду и тщательно обмыл Мартына, грязного, как свинья. Мартын сначала барахтался, но мало-помалу пришёл в себя и перестал сквернословить. Когда Мефодий причесал ему волосы, выбрил чисто лицо и обрезал отросшие грязные ногти, Мартын принял совсем приличный вид. Он сам даже подивился на себя и сказал:

— Неужели и я могу быть похожим на человека?

С этого дня работник Ондрачика имел на пьяницу огромное влияние: он мог делать с Подгайским всё, что угодно. Он заставлял Мартына работать, и тот должен был ему обещать, что он не дотронется до рюмки, пока не кончит работу. И Мартын действительно не пил. А чтобы сапожник не скучал вечерами, Мефодий приходил к нему и читал что-нибудь из книг его матери, из книги церковных пений или из Библии, а то и из журналов, которые приносил с собою.

Был уже ноябрь, и у крестьян работы по вечерам значительно убавилось. Без дела бывало и скучновато. Поэтому старик Ондрачик, хозяин Мефодия, был рад, что у его работника имеются журналы. Сам он за всю свою долгую жизнь о книгах никогда не думал, но он понимал, что журналы — полезная вещь. К тому же у работника были особые, очень подходящие для жизни журналы. Здесь говори-

лось о том, как жизнь идёт на земле, где что случилось, и о том, как жить следует на белом свете, как этому учит Божья правда.

Больная старуха, жена Ондрачика, тоже была довольна работником.

— Он ухаживает за мной, как сын, и вообще славный малый. Он убедил моего мужа поставить маленькую плитку, и с тех пор, как Дорка стряпает во дворе, мне стало намного легче: кухонный запах был для меня невыносим. Чтобы мой старик не сердился, что у нас уходит так много дров, он привёз два воза дров из лесу. Словом, если другим приходится приказывать, то Мефодий делает всё сам.

Однажды вечером Подгайский пришёл к Ондрачику с сапогами как раз в тот момент, когда Мефодий читал хозяевам вслух. Те радушно пригласили вошедшего сесть. Он был совершенно трезв.

Последнее время Мефодий уже не ходил более к сапожнику, а тот приходил к нему. Это было удобнее для всех. Так собиралась вместе вся компания.

Чуть только начинало темнеть, Мефодий шёл к Петрачам. Бабы уже давно разнесли по деревне, что Мефодий у Петрачей учит Самко грамоте.

Однажды Мефодий спросил свою хозяйку, нельзя ли будет ему привести с собою Петрачева сына.

— А почему же нет? — ответила хозяйка. — У бедняги скорее пройдёт время.

Так и стали все собираться вместе, и зимние вечера тут пролетали незаметно. Было ощипано много пера. Андрей уж не буянил более с парнями. Ондрачик не отправлялся более в кабак, а вырезывал поваренные ложки, чему выучил и Самко.

Когда они однажды сидели тесным кружком, Дорка сообщила, что старый Давид нездоров.

— Ему там будет холодно: вряд ли у него есть дрова затопить печь.

Мефодий ничего не сказал. Он как раз дочитывал книгу. Закончив чтение, он тотчас встал:

— Доброй ночи!

— Увидите, он пошёл к еврею, — сказал Андрей.

— О, он ходит туда часто, — вмешался Самко. — Я не раз видел, как он Давиду носил воду.

— Ну-ка, Андрей, погляди в окно, там ли он и что он там делает? — крикнула Дорка.

Андрей ушёл. Прошло немало времени, прежде чем он вернулся.

— Видел ли ты Мефодия?

— Да. Еврей лежит в постели, а он приготовил ему чай. Теперь он читает ему книгу.

— Что он может ему читать? Давид знает только немецкое и еврейское чтение, а по-нашему, по-словацки, не разумеет. Он сам мне

говорил это, когда я его раз спрашивал, — удивился Самко.

Однако старый еврей слушал Мефодия с таким вниманием, что глаз с него не спускал.

— Удивительный человек! Ни от чего и ни от кого он не откажется! — невольно вырвалось у Подгайского про Мефодия.

— Действительно, удивительный! И слава Богу, что он у нас, — согласилась хозяйка. — С тех пор, как он здесь, мы всегда знаем, как живётся нашим детям в Америке. Раньше мы по целым месяцам ничего не слыхали о них. Никто из нас не мог толком написать письмо, а он пишет всё точно так, как я ему скажу. И дети очень довольны. Только одного не исполняет Мефодий: когда я ему сказала, чтобы он написал что-нибудь также и про себя, он отказался.

— Чего обо мне рассказывать? — ответил он.

Прошла зима, наступила весна, но жители деревни не узнали о Мефодии больше, чем они знали раньше.

Как-то раз в воскресенье Ондрачик стоял с Мефодием в саду. Перед ними лежало болото с небольшим пригорком, поросшим скудной травой и кустами.

— Послушайте, хозяин, — сказал Мефодий и указал рукой на болото, — это безобразит здесь всё ваше хозяйство. Вы должны его купить у общины.

— Я? Зачем? Что я стану с ним делать?

Крестьянин удивился, что его рассудительный работник может делать подобные предложения.

— Что делать? Пригорок можно снести: из глины выйдут хорошие кирпичи, а остальным грунтом можно засыпать болото.

— Кирпичей мне не надо. Полей у меня довольно. На что мне эта трясина?

— Знаете что? — не сдавался Мефодий. — Вы всё-таки купите это угодые у общины на ваше имя, а я потом перекуплю его у вас. Мне нравится здесь, в ваших местах. У меня есть две сотни гульденов, и я за два года постепенно выстрою хижину и стану вашим соседом.

Крестьянин смеялся над Мефодием, но работник не шутил. Мефодий не давал покоя, пока хозяин не купил болото и пригорок. Затем Ондрачик перепродал этот участок своему работнику.

Они условились, что Мефодий, пока не начнётся горячая пора, будет каждый день работать на своём участке три, а затем и два часа.

Когда кончился сев, Мефодий обратился к хозяину:

— Знаете что? Теперь у нас будут две или три недели посвободнее. Так вот: я обещаю вам служить без платы четверть года, если вы это время отпустите на мой участок вашего пастуха Андрея помочь мне. Согласны?

— Что касается моего согласия, — отвечал

хозяин, — то я готов даже сам помогать тебе, если я только действительно увижу, что ты хочешь делать. Ведь если ты имеешь пару сотен гульденов, ты мог бы где-нибудь купить себе домик получше.

— Конечно. Но это был бы именно домик, а я хочу иметь настоящий дом, — засмеялся Мефодий. — Вы увидите: Бог, на Которого я надеюсь, поможет мне.

Хозяин дал согласие, и Мефодий начал свою работу. Соседи собрались наблюдать, как рождается чудо, которое затевал работник Ондрачика. На работу вышли нанятые Мефодием Подгайский и его мать, затем Андрей. Немного помогала и Дорка. Даже Ондрачик, и тот рылся на пригорке и засыпал болото. Все вместе они вывезли с пригорка столько глины, что не только сравняли участок, но даже подняли его выше улицы.

В школьном саду Мефодий купил деревца и посадил их в три ряда. Когда наступило лето, все деревца зазеленели. Получился красивый сад.

Тогда принялись за кирпичи, и когда страдная пора отозвала других, изготовление кирпича продолжали одни Подгайские, пока и они не ушли на жатву.

— Кто бы мог подумать, что работник Ондрачика даст нам такой прекрасный заработок?! — говорила жена Подгайского, благословляя Мефодия. — Сам Бог его нам прислал.

Мартын уже не пил более. Он глубоко раскаивался в прежней жизни и просил у Бога прощения былых безобразий.

ГЛАВА II

Был прелестный летний день. Люди шли в поле посмотреть на урожай. Вслед за другими собрался и домохозяин Петрач.

Он хотел было уже одеть сюртук, как вдруг в комнату вошёл Мефодий. Гость был немаловажный, так как Петрач хорошо понимал, какое благодеяние оказал его сыну соседский работник тем, что обучил его довольно правильно соединять буквы и писать их.

Петрач был человеком самолюбивым, и ему было досадно, что его сын вынужден оставаться неучем. Поэтому посещение Мефодия было для него приятно. Петрач знал, что гость пришёл к сыну, но он давно уже сам хотел потолковать с ним. Он предложил ему место и сел с ним рядом.

— Самко сейчас придёт. Он вышел немного пройтись, но ты ведь сам знаешь, как много ему надо времени, чтобы вернуться домой.

— Хорошо и так, — улыбнулся Мефодий. — Я рад, что я встретил вас, сосед, и что сына

вашего пока нет дома. Мне давно хочется сказать вам нечто очень важное.

Петрач удивился: что бы такое мог ему сказать Мефодий?

— Думали ли вы когда-нибудь о том, что будет дальше с вашим единственным сыном?

— Будет нищим! — сказал Петрач жёстко. — В чём я виноват? Свою часть он, конечно, получит, но что он будет с ней делать? Крестьянин из него не выйдет никоим образом...

— То же думаю и я. Я слышал недавно, что вы собираетесь принять зятя к себе в дом. Пока родители живы, Самко будет жить неплохо. Но когда вас не станет, что тогда? Он будет зависеть от милости или немилости других, а он ведь ваш единственный и первородный сын!

— К чему ты говоришь мне это? — сказал Петрач и опустил голову. — Я со скорбью смотрю на его будущее... Зачем он родился на свет?

— Это зависело не от его желания, — возразил тотчас парень. — И вы, дорогой сосед, как отец не должны так говорить. Если Господь дал вашему сыну жизнь, Он наметил для него и цель жизни, и вы также обязаны заботиться о нём.

— Тебе хорошо говорить, когда ты здоров, но как с ним быть?

— Если вы хотите что-нибудь сделать для вашего сына, я могу дать хороший совет.

— Ещё бы не хотеть! — воскликнул старик и взял Мефодия за руку.

— Вы живёте на главной улице. Народ из волостного правления проходит здесь мимо. Пристройте ему подле вашего жилья помещение и откройте там для него торговлю. Он станет продавать сало, муку и тому подобные товары. Вы часто бываете в городе и можете оттуда привозить ему всё, что понадобится. Затратя таким образом сотню-другую гульденов, вы верно обеспечите вашему сыну будущность. И пока вы будете живы, он будет содержаться на ваших хлебах, вы будете заботиться о нём. Впоследствии, когда он станет здоровым и видным мужчиной, он сможет даже жениться. За него любая порядочная девушка охотно пойдёт.

С Божьей помощью я уже научил Самко читать, — продолжал Мефодий, в то время как Петрач только кивал головой и смотрел на него с крайним удивлением. — Я говорил насчет него со старым Давидом, который согласен обучить его арифметике и дать нужные сведения о торговле. Вы ведь знаете, что в торговле никто не сравнится с евреем. Обсудите всё это, о чём мы с вами говорили с женой, а я тем временем с вашим сыном пойду немного в лес.

И не успел Петрач оглянуться, как он уже остался в комнате один. Он взглянул в окно и увидел, что Мефодий, оживлённо разговаривая, вёл с собою Самко.

— Что же это он мне тут наговорил? — думал оставшийся старик. — И как он рассуждает? Что твоя книга! Подумать только! Так же удивительно, как и с засыпкой болота... Самко правильно сказал, что Мефодий, должно быть, много ездил по белу свету и многое видел. Он в самом деле прав. И я сам был бы очень рад, если бы из моего молодца что-нибудь вышло.

Петрач позвал жену, которая тоже собиралась в поле поглядеть на урожай. На сегодня они уже решили оставить это дело, а занялись обсуждением, как лучше устроить сына. Мать прямо помолодела от радости, что из её любимца тоже может что-то выйти.

В то время, как эти двое сидели у себя и беседовали, в соседнем дубовом леску большим кругом сидели дети. Мефодий занимал их рассказами.

В деревне все дети хорошо знали Ондрачикова работника, потому что дети тотчас чувствуют, кто к ним добр, и тянутся к тому. И Мефодий, действительно, любил детвору. Он позади пригорка у себя на ручье выкопал широкое углубление, чтобы дети могли там купаться. Тут же устроил для них насыпь, чтобы удобнее было ловить рыбу. На пастбище всегда помогал пастушкам в затруднительных случаях. Весной, если у него вечерами случалось свободное время, он делал свистульки из ивовых прутьев, брызгалки и хлопушки из бузины,

грохотушки из орехов. Карманы его всегда были полны этими детскими радостями, и он щедро одаривал ими детишек.

Поэтому они стаяй бегали за парнем и, где бы он ни был, в деревне или в поле, всюду кричали вслед: „Дядя Мефодий! Дядя Мефодий!“

Частенько бывало, что хлеб и сыр, который хозяйка давала Мефодию в поле на ужин, съедался армией маленьких друзей.

Но высшею радостью детей было, если они, как и сегодня, могли собраться все около Мефодия, усесться у его ног и слушать.

— Так, как дядя Мефодий, никто на свете не умеет рассказывать, — это было общее мнение детей.

Вот и сейчас: овцы и коровы паслись на соседней лужайке, а дети смирнѣхонько сидели и ждали рассказа.

Один мальчик держал в руке найденную им мёртвую молодую ласточку.

— Ласточка?! — увидел Мефодий птичку, думая, что бы детям рассказать. — Хотите, я вам расскажу про ласточек?

— Да, да, про ласточек! Про ласточек, дядя Мефодий!

— Так слушайте. Вот как ласточки прилетели к нам. Далеко-далеко, в стране, где на Рождество зеленеют деревья и созревают плоды, где растут чудные цветы, каких мы и не знаем, но где во множестве водятся также змеи, от

которых охватывает ужас, там, в этой далёкой Африке, наши ласточки устроили собрание.

Это было удивительное собрание. Рано утром все ласточки выкупались в чистой воде, оправили свои пернатые наряды, и теперь каждая выглядела, словно нарядная барышня: чёрные волосы были гладко причёсаны, маленькие чёрные тельца казались бархатными, глазки были чёрненькие, на груди тёмный жилет, затем белые рукавички и платье с длинным шлейфом, как у придворной дамы.

В Африку ласточки летели со всех сторон, летели сотнями, тысячами. И когда все собрались, начали собрание. Начали пением и молитвой. Вы удивляетесь? Не верите, что птички молились? А почему бы и нет? Они тоже, как и люди, чувствуют радость и горе и тоже нуждаются в помощи Творца. Я, по крайней мере, убеждён, что ласточки своим пением творили Богу молитву.

Итак, они начали с молитвы. Потом все смолкли, и им было объявлено, что пришло время покинуть Африку и возвращаться на свою старую родину. Нужно было только сообща назначить, в какой день и час начать полет, и точно определить правила, как вести себя во время путешествия.

Ласточки единогласно выбрали из своей среды самую старшую как главную советницу и затем внимательно стали слушать её.

— Завтра утром, с рассветом, вы обязаны все явиться на место ежегодных наших сборищ перед полётом. Кто опоздает — останется в Африке. Оттуда мы полетим сначала над чудными краями, пока не увидим большой воды — море.

Помните же, что мы все обязаны лететь вместе, потому что тому, кто останется позади, грозит опасность — хищные птицы. Хищники перед большими стаями испытывают страх, а отдельную пичужку они непременно растерзают.

И пока мы будем пролетать над сухой землёю, вы должны строго соблюдать правило: часто и подолгу отдыхать. И ещё: если около вас будет много мошек, вы не должны объедаться ими, иначе будет тяжело лететь.

У моря снова устроим собрание и затем всецело отдадимся в руки нашего Творца: путь, предстоящий далее, опасен. Вы не увидите ничего, кроме воды. Вода, вода и ничего другого. Нет ни местечка, где можно было бы отдохнуть. Помощь и сила могут быть только от одного Бога. Поэтому через море смогут перелететь лишь те ласточки, которые будут строго следовать данным нам повелениям Божьим и молиться. Будем же молиться. С молитвой начнём наш путь и с молитвой же его продолжим.

Все соединились в молитвенном пении, и собрание было закончено.

На другой день берег большой и красивой реки был совсем чёрен. Сначала прилетела сюда сотня ласточек, потом тысяча, пять тысяч, десять тысяч, сто тысяч и, наконец, столько, что уже невозможно было их сосчитать.

По этому лагерю пернатых там и здесь носились старые с проседью ласточки и поддерживали порядок: они были избраны вожаками. Некоторые ласточки-вожаки были совершенно белы. Так белы и чисты, будто пыль земли никогда не касалась их. Они призывали всех к молитве и к послушанию перед Богом, общим и любящим Отцом.

В стаях было множество птенцов-ласточек, которые резвились, словно маленькие дети. Они мерили свои крылья и пробовали, могут ли они хорошо летать. Им думалось, что перелететь через море — сущий пустяк. Они знакомились друг с другом, задорно начинали между собою драки.

— Оставьте это! — унимала их старая ласточка-вожак. — Вы не должны ни с кем драться, вести борьбу клювом и когтями: вас будет охранять Сам Бог. Ваша забота — молиться, верить и лететь. Если вы станете вести войну с каждой хищной птицей, вы никогда не достигнете цели.

Другие молодые ласточки были заняты своим делом. Они, словно маленькие девочки или легкомысленные девушки, без умолку болтали о

том, какое на ком платье, кто лучше причёсан, чей шлейф длиннее.

Мудрая ласточка прилетела и к ним:

— Думайте о Боге, о предстоящем далёком пути. Красота не спасёт вас от гибели. Коли случится с которой в море беда, погибнет вместе с красотой.

Старые ласточки собирали молодых и приводили их в порядок, особенно задорных драчунов, которые были совсем растрёпаны. Затем все пропели молитву, и из несметных тысяч маленьких грудок вырвалось:

— Прощай, Африка! Всего хорошего! Прощай!

Солнце скрылось за тучами пернатых, и люди, бросив работу, смотрели на птиц, говоря:

— Ласточки домой летят.

Да, это был приятный путь. Внизу простиралась необычайной красоты леса, реки, поля, луга, деревни. Согласно указанию вожаков, путники часто и долго отдыхали, и благодаря этому почти ни одна ласточка не чувствовала усталости.

Наконец вдали показалось море.

— Остановиться! — послышался приказ.

Многие хотели было, не останавливаясь, лететь дальше, но вожаки не допустили этого: крылья требовали отдыха и нуждались в подкреплении молитвой.

Вожаки осматривали и опрашивали свою

стаю. У кого был хоть маленький ушиб, или слегка помятое крыло, или какая-нибудь болезнь, должны были заявить об этом. Остальные будут их ждать, пока они не поправятся.

Одни заявили о своих недугах; другие, не обратив внимания на пустяки, промолчали, хотя в дороге и пустяк мог кончиться плохо. Иные ласточки были в другом непослушны: когда они видели вокруг себя много мошкары, они не могли удержаться и хватали одну мошку за другой. Предостережение мудрых ласточек, что только те будут в состоянии перелететь через море, кто может обуздать себя и свои желания, не помогало: оно влетало у них в одно ухо и в другое вылетало.

За те немногие дни, что они отдыхали на берегу моря, похотливые ласточки так растолстели и обленились, что, где бы они ни садились, они тотчас засыпали, а если они ещё не дремали, то непременно косились на мошкару. На самых людных молитвенных собраниях они спали, и даже когда все пели, голосов их не было слышно, а если они и пели с другими, то все их мольбы касались только мошкары.

— Итак, во имя нашего Творца, летим дальше! — пронеслось по стае. И тысячи голосов снова закричали:

— Прощай, Африка! Храни тебя Бог! Прощай! Мы летим за море домой!

— До-о-мо-о-ой! — раскатилось эхо.

И вот, те глупыши, которые ещё недавно на собрании у реки думали, что море — пустяк, скоро убедились в том, что море большое. Они долго летели и нигде не видели ничего, кроме воды без конца и края.

Ноги и крылышки уставали, головки начинали опускаться, глаза искали, ах, как жадно они искали места для отдыха, но вожаки кричали только одно:

— Лететь, лететь!

Те, которые на берегу промолчали про свои ушибы и помятые крылья, падали теперь одна за другой в глубокую воду. Если, случалось, падала здоровая ласточка, вода короткое время несла её, а потом птица подымалась и летела с новой силою. Слабые же не могли вспорхнуть, они погружались в воду и тонули.

Те же, которые съели много мошек, стали отставать, сначала немного, а потом всё более и более. Силы изменяли им.

— Подождите нас! Подождите! — кричали и молили они.

Тщетно. Ответ вожаков был один:

— Лететь, лететь!

Иначе нельзя было, так как Бог каждой разумной птице дал столько силы в её крылья, сколько было нужно для полёта через море. С каждой новой минутой сил становилось меньше, и птицы не могли задерживаться и ждать.

Несчастные, непослушные существа! Там, на

берегу, они не были в силах противостоять своей похоти и теперь оказались слишком тяжёлыми для полёта, а следствием излишества было то, что тела их погибали в море.

Вдобавок ещё разразилась гроза, пошёл дождь, началась буря. Ласточки сотнями падали в море. Более лёгкие и сильные спаслись, а слабые погибли все. За свое непослушание они погибли в страшной морской глубине. И не увидели они больше ни своей родины, ни своих гнёзд.

Когда ласточкам стало уже совсем тяжело, они вдали увидели корабль, и все кинулись туда. О, что это была за радость! Матросы, правда, этим гостям не были рады, но пассажиры, которые были на корабле, пришли в восторг от милого щебетанья и передавали через ласточек привет на родину.

Не все смогли одновременно поместиться на реях, поэтому они отдыхали по очереди.

Скоро засверкала новая гроза, и ласточкам казалось, что всё пропало, все они погибнут.

— Нет, мы уцелеем! — кричали мудрые вожаки. — Верьте и молитесь: Господь нас подкрепит!

Тут вдруг ласточки, которые летели впереди, закричали:

— Земля! Земля!

И вся птичья стая возликовала. Птицы напрягли свои последние силы. Но берега

достигли только те, которые до самого последнего момента верили в помощь свыше. Те же, что потеряли надежду, падали и погибали даже у самого берега Европы.

Когда они немного отдохнули и пришли в себя, они опять собрались вместе. Начали они с молитвы и ликующей песни благодарения милостивому Творцу за ниспосланное благословение. До сих пор они летели все вместе, теперь настало время разлуки. Каждая ласточка должна была направиться к месту своего рождения.

В стае были ласточки из Англии, из Франции, Германии, России, Австрии, Венгрии и других стран. Сначала разделились по странам, потом по областям и, наконец, по городам и селеньям.

Перед разлукой все ласточки поблагодарили своих вожаков, затем, простившись, каждая стая полетела в свою сторону. На лету они кричали одна другой:

— Куда вы?

— Мы в Петербург!

— А мы в Москву!

— А куда вы летите?

— В Рим!

— В Вологду!

— В Париж!

— Летите с Богом! Счастливого пути!
Летите!

Так летели ласточки из Африки через широкое море, каждая в свой край, в свой город,

в своё селение, каждая в своё родное гнездо. Они прилетели и в нашу деревню, под наши крыши. Прилетели с громким ликованием, на что мы также с радостью отвечали:

— Ах, ласточки прилетели! Скоро, значит, лето.

— Вот так, дети, ласточки возвратились домой, — закончил Мефодий. — Так же ли и вы будете возвращаться домой? Или, быть может, вы думаете, что вы уже дома и что вы останетесь здесь на веки веков?

— О нет, — возразили дети постарше, — мы ведь все должны умереть!

— А что будет потом?

— Потом в могилу! — закричали одни.

— На небо! — сказали другие.

— Да, на небо, на нашу родину. Но как вы думаете: попадёте ли вы непременно на небо? Что делали ласточки для этого?

— Они молились, творили волю Божию.

— Не ели много мошек, — сказал один малыш.

— Так смотрите же: если кто хочет вернуться на горную родину, тот должен исполнять не свои желания, а волю Божию и не делать того, что запрещено Богом. Мы ведь живём не для служения себе, а для служения Божьему делу на земле. Скажите мне евангельский стих, которому я вас учил!

— „Сын Человеческий не для того пришёл,

чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих“ (Мф. 20:28), и ещё: „Сын Человеческий пришёл разыскать и спасти погибшее“ (Лк. 19:10).

— Знаете ли вы, Кто этот Сын Человеческий? — спросил Мефодий.

— Да, это Господь Иисус! — закричали дети.

— И кого Он пришёл спасти?

— Нас!

— Да, нас! Тебя, меня, твоих близких, наших врагов, всё человечество. Он пришёл, как я уже сказал, чтобы умереть на кресте за все наши прегрешения. И кто следует за Иисусом Христом в своей жизни, старается думать, чувствовать и поступать так, как тому учил Спаситель, тот получает спасение и не будет больше страдать за свои грехи. Это — великая радость. Каждый верующий стремится на небо, как на свою родину, в своё родное гнездо. А теперь идите: ваш скот уже волнуется. И не забывайте, каким образом ласточки из далёкой страны вернулись к себе на родину. Берегите себя и запомните хорошенько, что им пришлось преодолеть далёкий путь, который смогли осилить только благоразумные птицы. Прочие же, что легко смотрели на предстоящий перелёт или совсем о нём не думали, утонули в море.

Дети один за другим побежали на лужайку к своему стаду, а Мефодий и Самко остались одни, погружённые в глубокую думу.

— Слушай, Мефодий, — сказал вдруг Самко, — это замечательная история про ласточек! Ведь если это картина нашего возвращения домой, на небо, то выходит, что все мы здесь, в нашем селении Градове, никогда не были на настоящей дороге.

— Ты так думаешь? А почему? — и радостная улыбка пробежала по лицу Мефодия.

— Да потому, что ласточки всё начинали с благословения Божия и готовились молитвой к своему отлёту, а мы в нашей „Африке“ живём так, как будто мы действительно останемся здесь навеки. Мы ничего не начинаем и не кончаем молитвой. Да молитва к нашим делам, пожалуй, совсем и не подходит: совсем другую жизнь мы ведём.

— А какая тому причина? Разве Господь к нам менее благ, чем к маленьким птичкам? Разве Он не заслуживает того, чтобы мы Его ценили? Разве Он бессилён помочь нам в наших праведных нуждах?

— Мы не думаем о Нём. Живём, как кроты, в потёмках и не вспоминаем о свете.

— Знаешь что, Самко? Ласточки перед своим полётом на родину устраивали общую молитву. Ждать здесь у нас в Градове того, чтобы вся наша деревня собралась вместе в общей молитве отдаться Богу и просить Его дать нам силы для вечного спасения души, чтобы переправиться „через море на берег“, — это, я

согласен, сейчас было бы, пожалуй, преждевременно. Но скажи пожалуйста: если этого ни разу не делала вся деревня сообща, то разве мы, например, с тобой вдвоём не могли бы это начать вот тут, сейчас же?

— Здесь? Сейчас? Я думаю, что молиться следует в храме.

— Мы с тобой сейчас именно в храме. В храме, созданном не руками людей, а Самим Богом. Бог везде, на всяком месте, и весь мир есть Его чудный храм. Думал ли ты об этом?..

— Да, это правда, но я не могу сейчас молиться! Я не знаю, о чём и как молиться.

— Стыдись! Не знаешь, что Богу сказать? Дома с отцом и с матерью ты же говоришь? И у тебя есть что им сказать. Тебе было бы скучно, тяжело, если бы ты день-два промолчал с ними. Как же у тебя нет слов, нет мыслей для твоего Небесного Отца? Посмотри вокруг себя! Загляни вглубь себя! Всё, что в тебе есть доброго, хорошего, Он тебе дал. Кто тебя в силах исправить, очистить, исцелить от всего плохого, уродливого, грязного? Чего тебе не хватает для полёта через море жизни домой, на небо? Кто тебе может дать силы для этого? Бог — всегда Бог и всюду Бог, общий наш Небесный Отец. И тебе не о чём с Ним говорить? Ты не знаешь, как молиться? Неужели тебе не нужны указания пути на небо? Неужели тебе не нужны силы для устройства жизни праведной,

радостной, настоящей, Божьей? Неужели, наконец, ты не чувствуешь своего внутреннего безобразия, не отыщешь своей скверны души и тебе не хочется плакать об этом, каяться и просить прощения?

Самко молчал. Лицо его было задумчиво, глаза стали глубокими: в голове шла напряжённая работа...

Домой из лесу друзья вернулись довольно поздно. Погружённый в свои думы, Самко не заметил, как изменились его родители: как радостна была мать и как необычно ласков был с ним отец. Он сел на крыльцо своего дома, смотрел на гнездо ласточки над сенями, на вылетающих и влетающих туда птичек, и в его ушах звенело: „Ласточки вернулись домой!..“

— Ах, — вздохнул он, — это было каждый год, и я не понимал, что Господь посылает мне в каждой птичке животворное напоминание, что и мне также придётся возвращаться в родное гнездо в доме Небесного Отца и что к этому путешествию следует тщательно готовиться!

— Путь человека к Богу далёкий и людьми страшно запутанный! — говорил ему Мефодий в лесу на прощанье. — Нужна прежде всего Божья путеводная карта. Карта эта — Слово Божье, учение Иисуса Христа. Изучай эту карту! Разбирай слово за словом, мысль за мыслью и в этом направлении иди сам и веди, зови за собой других!

Самко вспомнил эти слова Мефодия и подумал: „Это правильно: так только и можно в нашей жизни выбраться на верную дорогу; беда лишь, что я ничего не знаю, с трудом разбираю буквы. Буду сначала сам изучать Божию карту, Слово Божие, а когда хорошо пойму, тогда и другим разъясню“.

ГЛАВА III

Старый еврей Давид сидел перед своей хижиной под развесистым ореховым деревом и бескровными тощими пальцами крошил сухой хлеб для своей собачки. Бедный старик был одинок. У него на всём белом свете не было ни одного близкого человека, не было ничего дорогого.

Правда, у него была избушка, маленький участок сада, ореховое дерево и скамья под ним, но всё это было не родное. Родина находилась далеко, а старый Давид был здесь пришельцем и ни с кем не мог говорить на языке матери. Он здесь состарился, но родным не стал.

Ему было всё равно, где коротать век. В деревне его ничто не удерживало. Люди привыкли к нему, он к людям, но взаимной

любви между ними не было. Да и как быть: ведь он еврей! Когда он зимой лежал больным, соседи знали об этом, но к нему не заглянул ни один: какое кому дело до еврея? Только Мефодий заходил к нему, тоже пришлый в деревне. Он постоянно ухаживал за больным. Продолжает бывать и теперь, не сторонится старого еврея. За это старый Давид крайне благодарен ему.

Из-за него с Давидом случилось нечто странное. Старый еврей был при смерти и думал, что его сердце умерло для людей. Но вдруг оно ожило. Его согрел совсем чужой, сторонний юноша, да к тому же ещё юноша-христианин.

Сначала старый Давид с недоверием настоящего еврея, претерпевшего от христиан много горьких обид, косо смотрел на необычные поступки пришельца, который появился подле него так неожиданно, как внезапно прорвавшийся луч света.

Другие соседи не замечали никакой разницы между собою и работником Ондрачика, но старый еврей был наблюдательным. Он заметил это ещё тогда, когда парень в первый раз принёс ему воды из колодца, а затем остался в его жалкой каморке и говорил с ним так дружески, как будто бы он очень любил старого Давида, его, которого никто более не любил и кого покинули самые близкие люди.

Одного боялся старый еврей: нет ли в нём пороков и распущенности, которые были свойст-

венны другим парням. Но нет, до сих пор поведение Мефодия было безупречным. Парень не пил, знал заповеди Божьи и выполнял их изо дня в день. Старый еврей знал, что молодой христианин действительно любил всех людей. Он следил за Мефодием тайком и убедился, что не было соседа, которому бы он не оказал какой-нибудь услуги.

— Зимой, — рассказывал старый ночной сторож, — когда я со связкой дров за спиной возвращался из лесу, меня догнали на лошади Ондрачики, и Мефодий тотчас соскочил с телеги, уступил мне своё место на сиденье, а сам подле телеги пошёл пешком до своего жилища.

А весной, когда пахали у Ондрачика, возле их поля была полоса старой злющей вдовы Глинарки, которую все боялись, потому что она бранилась самым ужасным образом. Мефодий вспахал её полосу. До той поры она ни от кого не видела добра. И парень, пришедший в деревню со стороны, первым оказал ей услугу.

Всё это, конечно, были мелочи, но что он мог ещё сделать, если был только простым работником? Однако если он замечал, что людям тяжело, и если это было в его силах, он с любовью помогал им. Словом, он делал всё, что мог.

Еврей следил, каким парень окажется работником. Мефодий был здесь уже долгое время, и старый Давид видел, что зятя Ондрачика

никогда не заботились о хозяйстве так, как этот работник. В доме ли, во дворе, чуть только он замечал где-нибудь, что нужно что-то подправить, он тотчас же заставлял хозяина это сделать. Сам слуга Авраама, о котором говорится в Библии, не мог бы служить своему господину вернее, чем этот работник служил глупому мужику.

Давид считал Ондрачика глупым. Старый еврей часто видел, как плохо шли у мужика дела, но он и не думал ему помочь. Какое ему дело до чужеверца? Он, еврей, относился к мужику так же, как мужик к нему, еврею.

Мефодий был другим. Еврей видел, что работник умнее своего хозяина, однако Давид ни разу не слышал, чтобы парень говорил об Ондрачике иначе, как с уважением и любовью.

Нравственно парень был также совершенно чист. Он был молод, а у Ондрачика была дочь да у Петрача две. Общий колодец был как раз под окном еврея. Старик часто видел, как все три девушки приходили к колодцу и как парень доставал им воды. Девушки улыбались ему, и он, как брат, улыбался им. Старый еврей невольно сравнивал парня с Иосифом в Египте. На что уж дочери Петрача были распущенны, но и они благодаря Мефодию стали держать себя благопристойнее, особенно с того времени, как тот начал ходить к Самко.

Всё это очень располагало Давида к парню, и

потому, когда на прошлой неделе Мефодий опять зашёл к нему, старый еврей очень обрадовался: он чувствовал себя в долгу перед Мефодием и хотел хоть чем-нибудь выразить свою любовь к молодому человеку. Теперь парень пришёл сам, чтобы просить его об одной услуге: поучить Самко счёту и торговому делу.

Кажется, никому в мире Давид из любви не оказал бы никакой услуги, но так как его об этом просил Мефодий, то он охотно и дружески обещал. Спросил только:

— Чего ты хлопчешь о твоём соседе? Что тебе за дело до него? У него есть родители и родные, они могли бы сами позаботиться о Самко.

В ответ на это резкое слово старый Давид ждал, что Мефодий станет обвинять старика Петрача, но вышло иначе. Работник спокойно сказал:

— Знаешь что, сосед? Иисус Христос учил: „Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ближнего твоего, как самого себя“. Если бы я, например, был беспомощен и слаб, мне было бы очень дорого, чтобы кто-нибудь позаботился обо мне. То же самое я думаю и про Самко. Родители, конечно, его любят, но если они не смогли ему помочь, что же делать? Я же знаю, как ему можно облегчить жизнь. Бог дал мне добрую мысль, и я полагаю, что я обязан её осуществить.

Давид согласился. Всё, что говорил и делал парень, старику нравилось и казалось правильным. Одного старый еврей терпеть не мог: Мефодий к нему постоянно лез со своим Иисусом Христом. Работник постоянно говорил ему про Иисуса Христа, при каждом чтении книг Ветхого Завета ссылаясь на Иисуса Христа и всякий свой разговор обязательно оканчивал словами:

— Спаситель любит нас.

Старый Давид не хотел и думать об этих разговорах. Если бы он мог их выкинуть из головы, он бы никогда и не вспоминал о них. Он сердился на себя, зачем он позволил парню читать истории о Том, Кто был Сын Девы, Кто должен был сокрушить голову змея — греха, Кто был семенем Авраама и сыном Давида, Кто взял на Себя грехи всего мира и Кто назывался Мессией.

В устах Мефодия его религия была прекрасна. Это была действительно религия любви. Она проникала в озлобленное обидами сердце старого еврея, как целебный бальзам. Начни Давиду кто-нибудь раньше говорить об учении Иисуса Христа, он только презрительно посмеялся бы, потому что никто из тех, которые жили рядом с ним и называли себя христианами, не жили по учению Христа.

Они бранились, дрались, совершали убийства и воровали, ходили по судам и не прощали друг друга. Они ходили в храмы и не исполняли того,

о чём им там проповедовали.

В деревне было два храма: католический и евангельский, и христиане презирали вероисповедание и учение другого, однако при всём этом считали себя верующими в Того, Кто проповедовал им любовь и милосердие. Старый Давид рассердился бы, если бы кто-нибудь из них пришёл к нему и стал ему излагать учение Иисуса Христа: он сравнил бы их вероисповедание с их жизнью. Но этот милый, пришлый молодой парень жил именно так, как требовала его вера; он любил Христа и исполнял Его учение. Давид знал это доподлинно. А если это делал один, то разве другие не могли бы поступать так же? Почему же между этим одним и остальными такая разница?

Старик много думал над этим. Никто не мог ему ответить на этот вопрос.

— Добрый вечер! — раздалось недалеко от него.

Он поднял глаза: перед ним стоял парень, о котором он только что думал и которого он не надеялся скоро увидеть у себя.

— Я думал, что мне не скоро удастся навестить вас, сосед.

— И я полагал, что ты теперь долго не придёшь.

По морщинистому лицу старика пробежал светлый луч, и он любезно подвинулся на скамье.

— Садись! Я хочу знать, о чём ты договорился с Петрачём.

Мефодий сел и подробно обо всём рассказал.

— Кто знает, кто знает, — в раздумье кивал старый еврей головой, — изменится ли дело?

— Я надеюсь на лучшее. Я молился, чтобы дело увенчалось успехом, и верю, что молитва будет услышана.

Так поговорили они с минуту, и старик сам стал строить планы, каким образом Петрач лучше мог бы приняться за дело. В старом еврее заговорил делец.

— Сосед, — сказал тогда удивлённо Мефодий, — если вы знали, что в этом месте пойдёт торговля, почему же вы тогда сами не начали её? Что за охота вам была возиться с тряпьем?

Парень взял руки старика и дружески поглядел ему в лицо, которое вдруг затуманилось глубокою скорбью.

— Ты говоришь, почему я не завёл торговлю? А я тебя спрошу, к чему и как мне было это делать? Для чего и для кого было хлопотать? Я одинок, как дерево в пустыне. Немножко работы, дела, чтобы прокормиться, и довольно. Без занятия в моём одиночестве и при моём горе я бы умер. Вот я и делал, что мог. Но зачем ты мне всё это напомнил?

Старик резко вырвал свои руки, закрыл ими лицо и опёрся локтями на колени. С минуту сидел

он согнувшись, совсем подавленный горечью воспоминания. Мефодий глядел на него с невыразимым участием и сожалением. Потом обнял его и прижал его старую седую голову к своей груди. Старый Давид давно уже не встречал ни от кого сострадания, давно не знал отрады быть кому-нибудь дорогим.

Когда он был молодым, он знал счастье взаимной любви, но потом, когда счастье улетело, ушло навсегда, когда он страстно, но тщетно простирал руки в пустоту, тогда он подавил в своём сердце всякое чувство человечности, пока вера в людей не исчезла совсем. Ему казалось, что сердце его окаменело. Но в действительности это был не камень, а только лёд, и этот лёд тотчас стал таять, как только его пригрело солнце любви.

Старик затрепетал в объятиях Мефодия, словно старое дерево в бурю. Горячее рыдание вырвалось из его груди, и после долгих лет первые слёзы потекли по морщинистым щекам. Мефодий не мешал старику. Он прижал свою молодую голову к седой голове Давида. Глаза его тоже были влажными. А так как плачущий не закрывал более своего лица, он вытирал ему слёзы.

— Оставь меня! — сказал Давид сквозь слёзы. — Зачем ты беспокоишься из-за старого еврея? Все ведь гнушаются мною! Ты один кручинишься из-за меня! Чего ради?

— Потому что я люблю вас, дорогой сосед.

— За что ты можешь меня любить? — разразился новыми слезами старик. — Меня уже давно никто не любит, любила меня когда-то только моя мать. Позже я думал, что любила „она“, но это оказалось обманом.

— Как так — обманом?

— Пусти меня и не спрашивай, — сказал старик, успокоившись.

Мефодий отпустил его.

— Поверьте мне, сосед, вам было бы легче, если бы вы могли кому-нибудь высказать всё, что уже долгие годы удручает вас. Доверьтесь мне: я люблю вас и могу сочувствовать вам.

— Пожалуй! — старик поднялся, и в его потухших глазах вспыхнул огонёк. — Я благодарю тебя, ты опять облегчил моё горе. Ты добр, но мир скверен, и я, может быть, предостерегу тебя от несчастья, и ты будешь более осторожен, чем я.

И старый еврей стал рассказывать:

— Если ты взглянешь на меня, на мой скорбный вид, на моё морщинистое лицо и полуслепые глаза, ты вряд ли согласишься, что я также когда-то был молод, красив и крепок, как деревце в лесу или как ты теперь.

Он прислонил своё тощее тело к дереву и взял сильную руку юноши своими слабыми руками.

— Мои родители оставили мне в наследство хорошее торговое дело и, хотя я не был богат, я

считал, что Бог отцов моих благословил меня, так как я действительно имел сокровище. Этим сокровищем была моя жена, прекрасная, как цветок Ливана. И при ней дитя, ах, какое дитя! Сам Моисей не мог быть прекраснее, когда дочь фараона сжалилась над ним из-за его красоты. И когда я вспоминаю тогдашнее моё счастье и блаженство, я думаю, что Адам в раю не был счастливее. И всё это прошло!.. Как тебе это объяснить? Я в доме часто отсутствовал: несчастное моё занятие отзывало меня по делам, и я не подумал, что у других также могли быть глаза. Однажды я из дальних мест возвратился домой. Полный радости и надежды, вхожу к себе и... дома нет никого... пусто.

Старик схватился за голову.

— Пришёл вор и похитил радость моих глаз, сокровище моего сердца! И если бы это был гой (христианин)! Но то был вор свой, один из наших.

Я пришёл в отчаяние. Бегал по судам, и всё напрасно: мне пришлось дать жене развод. Мало того, суд присудил и ребёнка ей. „Вор“ был знатнее меня. Он был окружным чиновником, и меня отовсюду отсылали. Я нигде не нашёл защиты, даже у Господа Бога, а у них всё шло как по маслу, пока они не уехали. Затем они покинули Венгрию, и я не мог более знать, где моё дитя и что с ним случилось.

Ах, Мефодий, когда я всё это вспоминаю, я,

как Иов, готов говорить: „Где Бог мой, чтобы я мог идти к Нему и отнести стоны мои?“ Он Всеведущий, Один Он знает, что случилось с моей дочерью Эсфирью и с моей бедной женой! Жена меня покинула, изменила мне, но я никогда не допускал и мысли, что она преступна и виновата передо мной. Она была так молода, когда мы поженились, а „тот“ был так красив и такой важный барин. И он увлёк её. И если бы она только захотела вернуться ко мне, я всё бы ей простил и охотно принял её обратно, о, как охотно! Но меня не допускали к ней и, вероятно, говорили ей, что я грубый и злой. Она, должно быть, боялась меня... и всё было потеряно.

Я убежал из того города, скрылся со своим горем в этой стране и нынешней зимой надеялся, что смерть освободит меня от моей тоски и что я свою скорбь унесу в могилу. Вот и всё. Ты заставил меня всё рассказать, и у меня снова всё ожило: потеря, тоска и сердечная боль — всё! На что тебе это было надо? Какая нужда?

— Очень большая, дорогой сосед! Я знаю теперь, о чём молиться за вас, а вы, погодите, придёт время, вы не будете каяться за своё доверие, а ещё будете благодарить меня, что я вызвал вас на откровенность!

Мефодий поднялся, а за ним и старый еврей, и они вместе вошли в маленькую хижину Давида.

Когда старик зажёл свет, Мефодий увидел пустые кувшины, взял их и принёс свежей воды.

Потом привёл в порядок убогое жилище, как он это делал во время болезни Давида. Затем сел на скамью у стола, раскрыл толстую старую Библию и стал читать. Старый еврей накрыл свою седую голову шапкой, и Мефодий, чтобы не оскорбить хозяина, тоже надел шапку. У евреев считается оскорблением, если при чтении Слова Божия человек остаётся с непокрытой головой.

Сегодня, хотя читалась 53-я глава книги пророка Исаии, где говорится о грядущем Спасителе, и хотя Мефодий подробно толковал, что это относится к Иисусу Христу, старый еврей не возражал. Расстались они мирно.

ГЛАВА IV

Иногда неделя за неделей, месяц за месяцем не бегут — летят. Так было и у Ондрачиков. Хотя работы у них было много, они ещё никогда не справлялись с нею так легко, как в этом году.

„Это происходит, должно быть, оттого, что мы теперь всё всегда начинаем и исполняем с молитвой и по Слову Божию“, — думала старуха, жена Ондрачика.

Она уже настолько поправилась, что могла сама стряпать, и Дорке не надо было оставаться

дома от полевых работ. Старухе нужно было только, чтобы Мефодий и Андрей принесли утром воды или дров. Словом, жена Ондрачика никогда ещё в жизни не была так довольна положением дела, как теперь.

Раньше муж её частенько бывал злым и жестоким, она тоже не мягкого характера, и когда случалось, что муж приходил домой под хмельком, хотя и не был пьяницей, и начинал шуметь, она с ним вступала в сильную перебранку, после чего они обыкновенно по неделе не говорили друг с другом.

Дочери вышли замуж, привели в дом мужей, и зятя не хотели подчиниться старухе. Оттого хозяйство и не шло. Старуха теперь поняла причину: над их домом не было благословения Божия. Они не молились круглый год, кроме того случая, когда шли к причастию. По утрам, вставая, что-то каждый бормотал про себя, не думая при этом ни о чём: так, говорили какие-то заученные слова без всякого разумения и желания понять их. Какая это была молитва? Какое благодарение Бога за ниспосланное им? Можно ли было думать, чтобы Бог благословил сердца таких людей, озарил их жизнь Своею благодатью? Все души были наглухо закрыты. Лучу Божьей милости некуда было и заглянуть.

Старуха понимала, что нужно обратиться к Богу, и она действительно обратилась к Нему от всего сердца. Она чувствовала, что если кто-

нибудь где-нибудь во всём мире нуждается в спасении, то это она. Поэтому она раскрыла своё сердце Христу, Сыну Божию, и Он вошёл в него.

В таком настроении, когда она сидела раз со своим мужем, она покаялась ему, что не была такой женой, какой бы должна была быть, и просила прощения. Она обещала, что, если Господь продолжит их жизнь, она будет усерднее служить Богу и своим домашним.

Ондрачик был смущён таким извинением жены. У него слёзы навернулись на глаза.

— Нам обоим надо просить прощения друг у друга, — сказал он. — Ты, во всяком случае, была мне лучшей женой, чем я тебе мужем. И Мефодий правду говорил, когда сказал, что далее так жить нельзя. Как же тогда быть? Нужно старому сказать: „Стой!“ и начинать по-новому. Мы ведь на самом деле жили вопреки воле Божией.

Я никому ещё этого не говорил, а тебе скажу: когда я смотрю на нашего работника, как он живёт, и вспоминаю, как я в молодости и до сих пор жил, мне делается стыдно. У нас в доме была и до него книга Слова Божия, но мы никогда её не читали. Да только теперь поняли это. Мы жили хуже глупой скотины. Скотина глупа: она только ест, спит и работает. Добра от неё для души мало, но зато она не вносит в жизнь людей и зла. Мы же не только едим, спим и работаем, но мы к тому же и пьянствуем, всячески грязним

душу, оскорбляем Бога и скверним людей. И как живём сами, так же воспитываем и своих детей. Неудивительно, что они ушли от нас: чему доброму они могли научиться у нас?

Так мирно, по душам беседовали о Боге и жизни муж и жена впервые в жизни. В тот же вечер Самко Петрач вёл длинный разговор с Доркою, сидя у них в саду. Самко сидел на скамье, которую Мефодий сделал для старой хозяйки, когда она была больна. Дорка стояла против него, прислонившись к дереву, и слушала его рассказ про ласточек, про их возвращение домой. Самко добавил потом, что он тоже уже на доброй дороге, что он каждый день начинает и кончает молитвой и что он боится только одного, как бы ему не нарушить повеления Бога. Дальше он рассказал девушке, как он научился у старого Давида считать и правильно писать, что отец собирается открыть ему торговлю, а для житья затевает ему новую постройку.

Дорка слушала с большим вниманием. Она с детства жалела Самко и позже часто думала, что будет с ним. Теперь она была от души рада, что у него дело идёт к лучшему. Раньше он не мог свободно ходить, а сейчас ходил довольно легко, особенно, если не торопился. В остальном он был славный парень.

Дорка от сестёр Самко давно уже знала, что старый Петрач задумал для сына постройку, но чтобы доставить парню удовольствие поделить-

ся радостью, она не показала и виду, что ей всё известно.

К Дорке и Самко подошёл Андрей, пастух Ондрачика. Он уже ранее слышал от Самко чудную историю про ласточек, и теперь, когда Самко и девушка говорили об этом, они вместе стали рассуждать, как хорошо было бы, чтобы все они сходились на такие молитвенные собрания, как эти ласточки.

— Знаете что, — сказала Дорка, — если каждый день есть только кусочек, частичка дороги „домой“, то мы должны соответствующим образом и начинать, и проводить его! Ласточки весело щебетали и молились, пока пролетели по частям всю дорогу.

Вечером за ужином вся семья Ондрачика собралась вместе, и старик-хозяин после еды попросил Мефодия почитать что-нибудь из Библии. Дорка радостно взглянула на Андрея, Андрей на неё, потом она на стариков, отца и мать, и в её душе мелькнула мысль: „Кажется, и они собрались лететь вслед за ласточками“.

Окружающий мир продолжал крепко спать на ложе своей распущенности и греха, но семья Ондрачика и их соседи начинали понемногу пробуждаться. Дух Божий открыл им глаза и разумение Священного Писания. Они начали искать Бога и познавать себя и свои грехи. Всё чаще и больше думали они о Христе и по примеру ласточек готовились к путешествию „домой“.

Этой осенью по всей округе уродилось много слив. Их столько висело на деревьях, что ветки ломались под ними. Это навело старого Петрача на новую мысль.

— Знаешь, что я придумал? — сказал однажды после обеда старик Петрач сыну. — Я поеду в общинное правление и возьму там разрешение на производство сливовицы (сливовица — водка из слив, любимый напиток у словаков). Для этого прикупим слив и у других, благо, они дешёвы нынче. Я возьму патент, и ты сможешь торговать водкой. Если у тебя кроме всего прочего будет ещё и сливовица, народ охотнее станет ходить в твою лавочку.

Парня эти слова не обрадовали, но он ничего не сказал отцу. Он в глубокой задумчивости вышел из дому и отправился к Мефодию. Мефодий был на своём участке, перекапывал землю. Недалеко от него работали Подгайские.

— Добро пожаловать, Самко! По делу какому?

— Да, мне нужно тебе кое-что рассказать.

Друзья поздоровались, и Самко рассказал, что предложил ему отец.

У Мефодия нахмурились брови. Искра гнева, чего Самко никогда не видел у друга, сверкнула в его глазах.

— Это сатана придумал и подсказал твоему старику! Самко, что бы ты сказал своему отцу, если бы он приказал тебе взять вот эту лопату

и ею убить стоящего вон там соседа Мартына?

— Какая глупость! Отец никогда не прикажет ничего подобного, — сказал в испуге Самко, — да я и сам бы этого ни за что не сделал.

— А между тем ты это сделаешь, открой ты только свой кабаk. Ты знаешь ведь, каким отчаянным пьяницей был Мартын Подгайский. Теперь он по милости Божией свернул на новую дорогу и оказался вместе с Божьими ласточками. Ты сам видишь, что он, кроме как в нашем или в вашем доме, нигде не бывает: он сам чувствует, что он ещё слаб бороться с искушениями. И можешь ли ты поручиться, что он удержится, если вы начнёте по соседству торговлю водкою и если запах водки будет бить ему в нос? Он будет приходить к вам, чтобы купить муки или соли, с твёрдым намерением не возвращаться более к старому, но ведь он будет приходить к вам, как овца в бойню на заклание. Твой отец будет предлагать ему выпить, ты станешь ему наливать, и он не откажется попробовать. Мартын окажется не в состоянии противостоять и в первый день выпьет стаканчик, а на другой уже два. Дальше — больше. Мартын будет пить, пить, пить и станет снова пьяницей, хуже чем прежде, и опять обратится в дикого зверя. Божий свет в нём померкнет, его тело станет больным и слабым, и несчастный погибнет где-нибудь как животное. И выйдет, что собралась было ласточка лететь к Нему и не удалось: погибла. Кто погубил? Кто

был виноват? Ты, Самко, ты! И это случится не с одним Мартыном. Его совсем погубишь, а скольких ты натолкнёшь на гибель? Подгайский ведь не родился пьяницей. Было время, когда он не пил и не знал вкуса водки, а потом этому научился. И где он научился? В кабаке. Много там сатана нашёл себе учеников!.. В нашем Градове последние годы, слава Богу, такой дьявольской школы-кабака не было, так теперь ты хочешь послужить дьяволу — школу пьянства открыть. Стоило нам со старым Давидом из-за этого за тебя хлопотать, учить тебя уму-разуму! Научили — нечего сказать!

Самко в ужасе схватился за голову:

— Послушай, Мефодий, не говори так! Этого не будет. Я ни Мартыну и никому другому не буду наливать. Лучше пусть отсохнет моя рука, скорее я на себя наложу руки, чем сделаю то, о чём ты говорил сейчас.

Самко пошёл домой, а Мефодий снова взялся за лопату.

Дома Самко ждала неприятность. Старик-отец уже высчитал, какой будет доход и как сын пойдёт в гору. От чего же у них в округе богатеют евреи, как не от водки? И вдруг отказ: сын ничего не хочет слышать. Скорее сдвинешь скалу, чем его. Отец был взбешен, Самко бледен, но о кабаке тем не менее он и слышать не хотел.

Много злых слов наговорил ему отец, а он

будто воды в рот набрал. Отец укорял его: что он, нищим хочет быть? Он его кормит уже много лет и более кормить не желает.

— Коли не хочешь меня слушать, иди хоть с сумой по миру! — сказал отец.

Слова отца потрясли Самко до глубины души. В эту минуту на шум вошла мать. Она стала уговаривать того и другого. Мужа, может быть, ей и удалось бы успокоить, но сына она не смогла уговорить: он сидел как каменный. Тогда и она рассердилась на него.

Вслед за матерью подошли и обе сестры, а с ними жених старшей дочери и его товарищ. Оба они были из другой деревни и пришли навестить Петрачей. Они поддержали старика в его намерении и смеялись над „глупостью Самко“.

— Если Самко не хочет, — сказал будущий зять, — то возьмите вместо него меня, батюшка! Я это дело молодцом поставлю: оно у нас станет золотым дном. Откройте только вместе с питейной и мясную лавку, такой ведь у нас в деревне также нет, и увидите, как потекут к нам денежки. Я бы тоже вложил сюда сотню-другую гульденов. Вы удержите их из приданого, что обещали дать за Евой. Тогда мы будем жить вместе, а Самко по-прежнему останется при своём плодовом саде.

Сначала этот разговор был просто шуткой и будущий зять только хотел подбить тестя, а потом, как это часто случается, его серьёзно

разобрала охота. Невесте тоже понравилось, что она может остаться дома при матери и не надо идти к свекрови, а мать — да какая же мать не была бы счастлива удержать при себе дочь, даже замужнюю!

Поэтому глаза матери заблестели при одной мысли, что дочь не уйдёт из дому. Был доволен и отец предложением будущего зятя. Имущество могло оставаться целым: его не надо было дробить и выделять часть его дочери. Так, к общему удовольствию всех, кроме Самко, дело тут же на месте и решили.

Будущий зять только для виду перед уходом спросил Самко:

— Ну, что же? Послушаешь ты отца? Или мне придётся начинать дело?

— Я уже сказал, что скорее буду нищим, чем соглашусь на это дело, — проговорил Самко с сердечною болью в голосе. — Это правда, что я слаб на обе ноги, но я скорее согласился бы просить милостыню, чем кормиться от такого дьявольского промысла; и я думаю, что и ты этого не начнёшь: Всемогущий Бог это не допустит. Господь расстроит ваши намерения и не даст им исполниться.

— Ну, это мы посмотрим, милейший пророк! — засмеялся будущий владелец кабака и отправился с товарищем в свою деревню домой.

На другой день старик Петрач направился к Мефодию. Злоба Петрача на Самко утихла. Он

понял, что обидел сына несправедливо, но ему хотелось отплатить тому, по чьей милости Самко упорствовал. Старик знал отвращение работника Ондрачика к выпивке. Мефодий убедил не пить не только Подгайского, но и самого Ондрачика, другого его работника Андрея и Самко. Он пытался было отучить от выпивки даже и самого Петрача, говоря, что это и вредно, и стыдно, и грешно.

Петрач не мог заснуть всю ночь. Он не хотел брать своё слово назад, что выгонит Самко из дому, если тот не исполнит его волю. Но, с другой стороны, удалить сына из родного дома — против этого восставала и гордость (что скажут люди!), и отцовское сердце.

Вчера в гневе он не чувствовал, что у него есть родительское сердце, но сегодня оно напомнило о себе. Он с досадой думал, что всё было бы хорошо, если бы не этот Ондрачиков работник. Ну и задаст же он ему!

По дороге раздражение Петрача всё росло, и когда он пришёл на участок Мефодия и увидел, как радостно работает тот, кто был виновником всей этой истории, он уже не мог сдержать себя.

— Что ты вбил моему сыну в голову? — начал он, едва поздоровавшись. — Какой-то бродяга, неизвестно откуда, будет в наших домах сеять раздоры! Какое тебе дело, что я хочу завести харчевню? И с какой стати ты подбиваешь моего сына на непослушание?

Старый еврей, услышав крик, подошёл поближе и стал внимательно смотреть на молодого христианина. Давиду давно уже хотелось увидеть, как будет вести себя Мефодий, когда к нему будут несправедливы. Теперь представился такой случай.

Еврей прекрасно знал, сколько добра сделал Мефодий этому человеку: он научил его сына читать и писать. Он привлёк к обучению и старого Давида, чтобы тот обучил Самко считать и вести торговые книги. Мефодий поступил с ним как добрый сосед, и вот старик теперь расплачивается за это наличными. Слова ненависти и отвращения одно за другим срывались с его уст.

Еврей, как окаменелый, смотрел в лицо Мефодию, а тот стоял, как будто слова брани вовсе его не касались. Старого еврея охватил гнев. Он хотел бы, чтобы Мефодий бросился на бранителя и ругал бы его, страшно ругал, но ничего подобного не случилось. Петрач взглянул Мефодию прямо в лицо. Глаза их встретились, и Петрач замолк.

— Так. Ты всё сказал, что тебе дьявол положил на язык? — спокойно, почти весело сказал парень. — По этому питейному делу он, т.е. дьявол, был у меня в долгу: я ему немало доставил огорчений и всё удивлялся, почему он так долго оставляет меня в покое. Я даже побаивался, не плохо ли я служу делу Христа. Теперь

я спокоен. Будем поэтому говорить о тебе. Всё, что сам дьявол навязал тебе на язык, ты выложил передо мной. О том речь оставим. Ты скажи теперь от себя, сосед Петрач: какую обиду я тебе причинил или что худого я сделал твоему сыну?

Еврей пришёл в восторг от такого ответа, он радостно потирал руки и в душе благословлял Мефодия. Подгайский же, давно бросив лопату, стоял подле, как оцепенелый. Он от изумления не знал, что ему думать о старом Петраче.

— Ну, так что же именно ты имеешь против меня? — снова спокойно повторил Мефодий.

Спокойный и беззлобный вопрос парня поставил старика в тупик. Однако он снова собрался с духом и хотел было начать опять браниться. Тогда он вспомнил, что его гневное объяснение оказалось слабым, и слова застряли у него в горле.

— Самко не хочет, — заключил он, оборачиваясь к старому Давиду. — Он боится, что если Подгайский начнёт ходить к нам, то может опять стать таким, как прежде. Как будто, открой только питейную лавку, и люди сейчас же сделаются пьяницами и не смогут выпивать умеренно. Главное же, Подгайскому можно и не ходить к нам. Да он и не посмеет — я не буду его пускать.

Последние слова Петрач сказал с явным презрением, что больно задело бедного Подгайского.

— Будь спокоен, Петрач, — сказал Мартын, сделав шаг к нему, — я и без твоего запрета не войду в твой дом, где ты задумал устроить чёртову ловушку, чтобы завлекать людей и сосать из них кровь. Если бы ты сам стал меня приглашать, то и тогда я не переступил бы твой порог. Но никогда, заметь это, никогда я не забуду твоего сына за то, что он пожалел меня и подобных мне и не захотел нашей окончательной гибели. Где бы он ни был, куда бы он ни пошёл, я всюду ему вслед буду посылать благословение!

Голос Подгайского оборвался, и он зарыдал. Он плакал от горькой обиды, что его можно так презирать: всякий мог выгонять его, закрывать перед ним двери. Петрач смотрел на плачущего и стоял, как в воду опущенный.

— Что же, сосед? — сказала мать Подгайского. — По-вашему, это большая беда, что у вас уродился такой чудный сын? И вам, должно быть, кажется большой несправедливостью, что Мефодий научил вашего сына видеть нехорошее дело в возможности вконец погубить людей. У меня один только сын, и он был моей радостью, пока не познакомился с питейными домами. Вы видели, какой крест это был для меня, вы сами, а если не вы, так ваша жена, не раз защищали и скрывали меня от него. И теперь, когда милостивый Господь пожалел моего Мартына, послал ему доброго человека, который спас его, вы этого человека браните и всячески поносите!

Посмотрите на моего сына, послушайте его стоны, и если у вас в груди камень вместо сердца, то открывайте ваш кабак.

Старуха затем подошла к сыну и сказала:

— Не плачь, мой дорогой. Господь тебе поможет! Ты ещё не старик, и у тебя ещё не всё потеряно, лишь бы нам не прогневить Бога. Не плачь, вставай, пойдём работать!

Мартын повиновался, встал и взялся за лопату. Мефодий также принялся за работу и стал выбрасывать большие куски земли.

Что оставалось делать Петрачу? Он сознавал, что то, что он собирался делать, было скверно и что эти люди поделом презирали его, но он не хотел уступать. Он отправился в общинное правление просить разрешения на винокурню. Разрешения ему не дали.

„Это ничего, — подумал он, — я войду с кем-нибудь в товарищество и будем вместе гнать вино“.

Товарищ скоро был найден, и они открыли винокурню. Сколько чудных слив, которые Господь создал для пищи людям, пошло в котёл на яд, чтобы человек мог этим ядом дурманить себя и своих ближних.

Страшное дело! Чтобы добыть немного отравы для мышей, которые губят всё в доме, нужно получить разрешение полиции и врача, а чтобы поить отравой людей, для этого достаточно взять патент на производство и продажу водки.

ГЛАВА V

Пришла зима. Наступила масленица. У Петрача шли большие приготовления к свадьбе. У матери было много работы, у отца голова трещала от забот, а у Евы сердце было полно ожиданий. О Самко совсем забыли. С ним с самой осени никто не говорил, как будто его и не было. Ему почти не отвечали даже на его приветствия. Только одна младшая сестра говорила с ним по-родственному. У неё было большое горе. Парень, который её полюбил, хотел взять её замуж, но родители не одобряли этого выбора и не давали своего согласия, и парень решил жениться на другой. Девушка чувствовала себя одинокою, и это влекло её к уединённому и отвергнутому брату. Она частенько заходила в каморку, где он теперь обычно проводил всё своё время.

У Ондрачика он научился точить кухонные ложки и точил их усердно, а весь заработок отдавал матери на свечи и на соль. В свободное время он продолжал ходить к старому Давиду.

— Ты только учись, — говорил ему старый еврей, — а торговля у тебя рано или поздно будет. Тогда всё это пригодится.

По вечерам Самко бывал обыкновенно у Ондрачиков и там совершенно забывал, что он остался одиноким на свете. Он в этом чужом доме чувствовал себя, как в раю. Здесь знали Божию правду. Понимали, какого рода радость была в сердце Девы Марии, когда уста её пели: „Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моём“ (Лк. 1:46-47). В сердцах обитателей дома Ондрачика действительно родился Христос, и здесь первый раз в жизни праздник Рождества Христова справляли должным образом.

В эту же зиму к Подгайскому вернулась жена. Он написал ей письмо, просил приехать, и она действительно приехала. От радости он не знал, как её встретить, чем угодить. Она также была счастлива и от счастья даже плакала. Она с трудом верила, что для неё, жены пьяницы, ещё возможно счастье на земле.

Теперь было всё иначе. Свекровь довольная, дети здоровые и ласковые, внутри всё чисто убрано, весь домишко на зиму заботливо устроен. Мартын и мать исправно добывали на хлеб.

Жена принесла с собой кое-что из сбережённого жалованья и сразу уплатила все долги. Купила для свекрови, детей и мужа одежду, обставила кухню посудой. Как уютно теперь выглядело всё здесь! А давно ли ещё это было гнездо слёз, горя и нищеты? И вдруг, в какой-

нибудь год, даже меньше, такая перемена! Такое чудо! Где тому причина? В трезвости! Опомнился человек. В себя пришёл. Из пьяной пасти дьявола вернулся под сильную и праведную руку Господню, и тут вернулись к нему жена и семейное счастье.

Мартын сидел вечерами в кругу своей семьи и думал: „И такую радость, такое светлое счастье, да не своё только, а целой семьи, я променивал на кабацкое пойло, на дьявольский дурман. Слава Богу, что Он спас меня от гибели!“

Былую свою пьяную компанию Мартын теперь уже давно забыл. Он собирал вокруг себя совсем другое общество. Приходили родные, знакомые, соседи, и по праздникам маленький дом был полнѐхонек. Мефодий в таких собраниях обыкновенно читал что-нибудь, а потом шли о прочитанном разговоры. Вскоре Мефодия стали приглашать и в другие дома.

— Мефодий, мне кажется, что ласточки начали собираться к полёту, — сказал как-то раз Самко. — Ты говорил тогда в лесу, что вся наша деревня должна собраться в Божью стаю и что мы обязаны тому положить начало. Теперь, видимо, дело идёт к тому.

— Трудно, Самко. Недаром сказано: „Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их“. Но ничего. Не станем унывать. Будем указывать людям путь, а если никто и не

пойдёт тем путём вслед за Иисусом, мы сами должны идти за Ним. Он каждому сказал: „Следуй за Мною“. Ты, ты сам следуй. К тебе прежде всего это слово Христово, а потом уже к другим.

На неделе Ондрачики возили лес для дома Мефодия: к весне хотели начать строить. Мефодий заготавливал всё заранее. Холм был уже снесён. Кирпичей наделано достаточно. Довольно было и плит для фундамента. Черепицу для крыши они также завезли загодя и сложили у Ондрачика. Из лесу натаскали молодняка на колья: Мефодий хотел обнести забором всё своё владение.

Как-то утром Ондрачики получили печальную весть. Дочь Анна, которая жила с мужем в Америке, писала, что муж её серьёзно болен и доктор советует ему немедленно уехать домой, чтобы окончательно не ослепнуть. Поэтому они тотчас же собрались в дорогу, как только муж выписался из больницы.

Как удручающе подействовала бы на них подобная тревожная весть, случись это раньше! Но теперь, когда они научились молиться, они сказали только:

— Да будет воля Божья! Если Господь это допустил, будем нести испытание.

И как раз на той неделе, когда у Петрачей должна была справляться свадьба, куда приглашены были и Ондрачики, к последним прибыли

больной зять и заболевшая в дороге дочь. Дорке тут было не до свадьбы: управиться бы дома с работой! И не будь у них Мефодия, они не знали бы, как им и быть. Главное, им не к кому было даже обратиться за помощью.

Приехавшая дочь Анна удивлялась: кто так заботливо помогает старикам? Тогда Дорка и мать, да и старик, рассказали ей, что за работника в дом послал им Господь. Иосиф — муж Анны, также дивился редкому работнику. При этом говорил:

— Его голос мне знаком, как будто я его уже когда-то где-то слышал.

— Как знать! Может быть, вы с ним не раз встречались. Мы сами не знаем, откуда он. Он никогда не рассказывал о себе. Но из того, что он вообще рассказывает, видно, что он много чего повидал на белом свете.

Наступило воскресенье — день свадьбы у Петрачей. Старый Давид сидел в своей хибарке у тёплой печки и раздумывал о жизни. Окна и двери были закрыты, но музыка и громкие голоса отчётливо доносились сюда.

Вдруг открылась дверь и вошёл Мефодий.

— Добро пожаловать! — обрадовался старик. — Пришёл навестить! Как дела у вас в доме?

— Слава Богу! Теперь лучше. Доктор сказал, что Иосиф к весне совсем поправится, а

жена его, Анна, так совсем уж встала, хотя и жалуется ещё на слабость.

— Послушай, Мефодий, я как раз перед твоим приходом сидел и думал: что будет с тобою? Если к Ондрачику вернулись дети и они скоро поправятся, то ведь им, стало быть, не надо будет больше другого работника, кроме пастуха.

— Конечно. Одного им придётся отпустить. Я и остаюсь у них только до весны. Собственно, я им и сейчас не особенно нужен. Я мог бы и сию же минуту уйти, но у меня начата стройка, да и ещё есть кое-какие дела.

— Как — уйти! — воскликнул старик. — Почему уйти? А куда же мы денемся без тебя? Другие ещё, может быть, ничего. Но старый Давид, что он будет делать без тебя?

— А я разве вам дорог? Вы любите меня? — Мефодий обнял старика как в тот раз, когда Давид рассказывал ему своё горе.

— Ах, не спрашивай! Ежели ты согрел мою старую кровь, как может моё сердце не любить тебя?

В комнате стало тихо.

— Помните ли вы, дорогой Давид, что я осенью обещал вам?

— Что ты мне кое-что хотел рассказать? Я помню это. И давно уже жду, когда ты это сделаешь.

— Ну, так я хочу рассказать вам, почему я полюбил вас.

— Меня? Я думаю, потому, что ты любишь всех людей, как это завещал тебе Христос.

— Конечно, ибо Господь Иисус повелел это, сказав: „спасение придёт от Иудей“. Но я люблю вас не только вообще, как человека. Я люблю вас по-особому. Это мне завещал тоже один еврей, которому я многим обязан.

— Что ты говоришь? — удивился старик. — Я ничего не понимаю. Объясни мне.

— Видите ли, я долгие годы жил на свете без Бога и без Христа. Я не думал, что у меня есть бессмертная душа и что мне после смерти придётся дать отчёт о всей моей жизни. Я жил так, как жили все. Но потом я познакомился с одним евреем, который мне впервые раскрыл всю правду моей жизни и указал мне, как найти Христа. Он научил меня любить Сына Божия и объяснил мне, что и мы, люди, тоже должны быть детьми Божьими... Сейчас его уже нет в живых, Господь призвал его к Себе.

— Ты сказал, что он был иудей, что он научил тебя познавать и любить Христа? — с удивлением спросил старый Давид.

— Да, он был иудей из иудеев. Он был проповедник среди евреев и жил только для того, чтобы возвестить своему народу, что Мессия, Спаситель, уже пришёл, что Он указал людям путь спасения от грехов, что Он жил среди Своего народа и опять придёт, но уже ко всему человечеству.

— Так это ж был не еврей! Это был христианин!

— Христианин он был по вере, а по крови он был еврей. И гордился тем, что он — еврей. Благодарил Бога, что он происхождением принадлежит к тому народу, от которого через Иисуса Христа излился свет Божьей правды на всё человечество.

Он был счастливым человеком, но у него было одно желание, которое он не смог осуществить. Это его огорчало. Тогда я пообещал ему исполнить его заветное желание, чего бы мне это ни стоило. Он поверил мне, и, благодарение Господу, я не обманул его.

— Что же это было за обещание? — спросил, насторожившись, старик и удивлённо посмотрел на своего молодого друга. Тот говорил сегодня не так, как обычно: как будто это не был работник Ондрачиков, который вырос среди глупых крестьян и служил им.

— Вы спрашиваете, что это было за поручение?.. Видите ли, был у него один очень-очень дорогой человек на свете, которого он любил больше, чем кого-либо другого в жизни, хотя, как это ни странно, он никогда его не видел. И тот факт, что он никогда не видел этого человека, и было его огорчением. Он хотел ему принести весть спасения и не мог: не знал, где найти...

— И ты нашёл его?

— Да, нашёл и...

В эту минуту яркий свет озарил комнату и они услышали ужасные вопли и крики. Мефодий и Давид вскочили.

— Там что-то произошло! — указал еврей пальцем наружу.

— Да, там пожар! Счастливо оставаться, я побегу, — сказал Мефодий.

— Куда? На пожар?

— Ну да! Там, вероятно, все пьяны. Кто-нибудь опрокинул лампу, а с ними беспомощный Самко.

— Не ходи! — удерживал Давид, но парень вырвал свою руку и выбежал вон.

На свадьбе случилось действительно нечто ужасное. Один из напившихся дружков жениха вздумал принести зажжённую сливовицу в миске прямо на свадебный стол. У стола он поскользнулся и опрокинул пылающую водку на жениха и на стол. В одно мгновение всё платье несчастного вспыхнуло, как факел, запылала и скатерть. Поднялся страшный переполох. Одни бросились к двери, другие выпрыгивали через окна. Жених кричал о помощи и от боли и отчаяния вскочил на стол, оттуда опять вниз, кинулся на пол, катался по нему, чтобы затушить пламя. Невеста ринулась к жениху, хотела собственными руками затушить огонь, и ее подруги едва успели оттащить её в сторону.

Некоторые спохватились и стали лить воду на

стол, а один из пьяных гостей схватил бутылку с водкой, приняв её за воду, и тоже начал поливать ею огонь. Пламя вспыхнуло с ещё большей силой.

Тут как раз вбежал Мефодий. Он держал в руках мокрый балахон, бросился с ним к пылающему жениху, плотно его укутал, и пламя тотчас потухло. Но в комнате огонь не унимался. Люди с криком рвались наружу. Густой дым и смрад спирали дыхание, и только с большим трудом удалось всем выскочить вон.

Невесту без сознания вынесли на руках, жениха вытащил Мефодий и передал на дворе людям, а сам снова бросился в горящую комнату, прыгнул к окнам, запер их, сорвал пылающие занавески и затоптал их ногами. Пламя со всех сторон тянулось к нему языками и грозило захватить его. Надо было спешить. Он быстро огляделся. Увидев две большие бутылки с водкой (сливовицей), он схватил их и выбежал с ними, плотно закрыв за собою двери. Ему навстречу бежали старик Петрач и другие более трезвые гости с большими вёдрами воды.

— Куда вы с водой? — крикнул им Мефодий. — Вода не погасит огонь. Пока пролитая водка горит, нужно её оставить догореть. Потом можно будет тушить. Слава Богу, что Он помог мне вытащить эти бутылки. Иначе, если бы огонь перебросился на них и они бы лопнули, — страшно и подумать, что только могло бы быть.

Да, свадьба вышла ужасною. Почти все гости попортили свои платья. А жених! Бедный жених! На него жалко было смотреть, так он обгорел.

И было большим счастьем, что пламя не вырвалось наружу, заглохло внутри, в дыму, от недостатка воздуха. Но зато всё, что было в комнате, сгорело. Сам же дом остался целым.

— Ничего не осталось бы, и жених сгорел бы, — уверенно говорили все, — если бы не случился тут работник Ондрачика.

Долго готовились к этой свадьбе, но ещё дольше вспоминали о ней.

На прошлой неделе старуха, жена Петрача, говорила соседкам:

— Ондрачики ударились, вот, в святость, а у них целый дом больных. Видно, святость мало помогает, слабо действует!

Теперь у неё самой был полный дом беды, только она уж никак не могла сказать, что это у них от святости, что это им Бог посылает испытание. О Боге тут не могло быть и речи. Они на свадьбу не Бога с молитвой пригласили, а чёрта с водкой. Варили ему суп, ну, похлёбка и вышла чертовски горячей, обожгла всех.

Особенно обожгла она жениха, который собирался в новой семье открыть с тестем изготовление чёртова пойла на всё селение. Ему было очень тяжело. Он от боли кричал день и ночь. Домашние перепробовали всё, что пропи-

сывал доктор и что советовали разные старухи, ничего не помогало.

На третий день Мефодий пришёл к своему хозяину, Ондрачику, и сказал:

— Отпустите меня на три дня. Я был у Петрачей. Больной там или умрет, или с ума сойдёт от боли, если не переменится уход за ним. Я хочу побыть около него.

— С Богом! Иди. Ты, конечно, за ним лучше будешь ухаживать, чем кто-нибудь другой. А я охотно сам исполню твою работу, только бы ты смог там помочь. Жаль будет, если погибнет молодая жизнь.

Мефодий ушёл. У Петрачей все очень обрадовались, когда он сказал, зачем он пришёл. Больше всех обрадовался доктор, который сразу увидел, какой это толковый, ловкий парень. Он сейчас же всё разъяснил Мефодию и приказал семье, чтобы они ничего не смели давать и делать больному без согласия нового помощника.

И с того часа дело пошло на улучшение. Больной почувствовал, что за ним ухаживают другие руки, и успокоился. Послушно и доверчиво принимал лечение.

Трёх дней, однако, оказалось мало, и Мефодию пришлось пробыть у Петрачей целую неделю. Жена Петрача сама ходила к Ондрачику, просила его оставить им ещё на несколько дней его работника.

— Ради Бога, дорогой сосед. Это Сам Бог с твоим работником ангела-исцелителя к нам послал. А жалованье его уж мы тебе уплатим за неделю.

Ондрачик согласился оставить своего работника у соседей, но от платы отказался.

— Это братская помощь в несчастье, и за такую помощь брать плату грех. И ты, соседка, не убеждай. Нет, нет, о деньгах в таких делах и разговору быть не может. Мефодий ухаживал за вашим больным день и ночь из самой чистой любви к ближнему. Разве за такую любовь можно брать подённую плату?

К концу недели больной мог уже вставать и чувствовал себя намного лучше. Он мог даже немного работать.

— И всем этим я тебе, Мефодий, обязан, — со слезами говорил молодой зять Петрача. — Ты меня спас от огня, вылечил от болезни.

Не знали, как благодарить Ондрачикова работника и молодуха, и старики Петрачи.

— Не меня благодарите, а Бога, — отвечал внушительно Мефодий. — Ему вознесём хвалу. Давайте помолимся вместе. Да и вперёд не станем забывать молитвы.

И вся семья Петрачей впервые в жизни молилась вместе. Молилась искренно, горячо, вдохновенно.

Самко был полон радости.

„И наши ласточки собрались лететь к Богу,

— думал он. — И нашу семью связывает в одно целое не еда да работа только, а и общее чувство стремления к Богу“.

Да, и эта „стая ласточек“ выбралась на верную дорогу, но какой ценою?.. через какие овраги и трясины?..

ГЛАВА VI

Зима миновала и пришла весна. Пришла и опять ушла, как чудная птица, которая порхает-порхает, поёт, радует сердце, и вдруг, моргнуть не успел, она уже исчезла.

Хлеба созрели под знойными лучами солнца, как и два года тому назад, когда Мефодий Рузанский первый раз пришёл в дом Ондрачика.

Зять Ондрачика давно уже поправился и однажды, стоя после обеда перед своим домом, смотрел туда, где до его отъезда с женой в Америку стоял безобразный пригорок. Пригорка теперь уже не было, а вместо него на ровном месте среди молодого прекрасного сада стоял окружённый живою изгородью дом, не особенно большой, но красивый, с большими окнами. Другого такого не было во всей деревне.

— Кто бы мог подумать! — удивлялся зять Ондрачика. — Мы всё время спокойно глядели на эту противную бородавку у себя под носом и не трогали её. А Мефодий так легко всё это обратил в красивый дом. Если бы я мог вспомнить, кого он мне напоминает? Не лицом, не внешним видом, а своим голосом. Решительно, где-то я уже видел этого человека!

Ондрачиков зять дивился дому Мефодия, впрочем, не один он, дивилась вся деревня. Как только наступила весна, началась постройка. Мефодий пригласил каменщиков, а сам руководил ими, как опытный архитектор. Он высоко поднял крышу, и вверху получилось прекрасное жилое помещение. Подвал был сделан также жилым. И народ каждый день приходил дивиться чуду. Не один завистливо кивал головой и говорил:

— Сказать по правде, и я бы не прочь себе сделать такой домик. Не домик, а игрушка. Залюбуешься! А как светло, удобно и уютно будет внутри!

Мефодий продолжал жить в доме Ондрачиков, но теперь уже не как работник. Он платил за своё содержание. Каменщики и рабочие столовались у жены Подгайского. Мефодий не хотел взваливать лишние хлопоты на Ондрачиковых женщин: у них и без того было большое хозяйство.

Строился не только Мефодий, но и Петрачи.

Петрач не открыл питейной лавки и не собирался её открывать. Не думал он и о магазине: не хватало денег. Расходы зимой были ведь немалые: во-первых, дорого обошлась страшная свадьба; во-вторых, много ушло на продолжительное лечение зятя, и в-третьих, всё надо было ремонтировать. Слава Богу, что хоть помещение, предусмотренное под торговлю, осталось годным для жилья, ведь в комнате, где справлялась свадьба, нужно было заново делать и потолок, и окна, и двери.

Соседи узнали, что Петрач условился с Мефодием, чтобы он в своём доме не только устроил жилище для себя, но также и для Самко и помещение для его торговли.

Старого Давида было не узнать. Он помолодел, всюду поспевал советом и делом. Люди прямо дивились, не подменили ли его? Раньше от него слова нельзя было услышать, кроме краткого приветствия да „да“ или „нет“. Теперь он был разговорчив и приветлив со всеми. Лицо посвежело, как у юноши, хотя сам он был весь седой.

— Что за перемена! — говорили кумушки. — То ходил, бывало, рваный и грязный, а теперь всегда чистая рубашка, хорошее платье на нём.

Это всё было дело рук жены Подгайского, которая не брезговала пошить и постирать на еврея. Она же смотрела за всем и в хибарке Давида: побелила стены, перестилала постель,

приводила всё в порядок. Ещё более интересовало женщин, что будет теперь с самим Мефодием. Пока он был у Ондрачиков работником, он был всегда и со всеми одинаков. Посмотрим, что будет, когда он переселится в собственный новый дом. Не женится ли он на дочери Ондрачика? Ондрачик, несомненно, был бы тому очень рад.

Так болтали соседки и были в какой-то степени правы. Ондрачики не отказали бы своему бывшему работнику. Да и Петрач охотно бы выдал за него свою вторую дочь. Но сам Мефодий об этом не думал. Замужняя дочь Ондрачика говорила, по крайней мере, что Мефодий сватал у них Дорку за Самко.

— Хотя Самко и не совсем крепок телом, — говорил он бывшему хозяину о своём друге, — но если, по милости Божией, он начнёт торговлю, он в силах будет содержать свою жену и семью. И Самко, и Дорка — оба любят Бога и вместе дружную парюю пойдут по дороге к Божьему гнезду.

Отец с матерью дали согласие, а Дорка давно уже сговорила с Самко. Ей казалось только странным, что она помогала сносить пригорок, а теперь будет жить в доме на этом месте.

— Так дивно всё идет на свете, — говорили соседки. И они были правы.

ГЛАВА VII

И опять чудный летний вечер стоял над землёю. Лунный свет нежными серебряными нитями спускался на деревню, сады, поля и леса. Отдельные лучи серебрили хижину старого Давида и скамью под орешником, на которой он сидел.

Старик был одет по-праздничному, и радость светлую улыбкой отражалась на его лице. Он сам не знал, чему он так радуется сегодня. Почему его так радует, что Самко наконец сегодня открыл торговлю и что он, старый еврей, во многом ему помог? Давид не мог понять самого себя. С чего у него эта любовь к людям? До сих пор он был совершенно равнодушен к чужим людям: их горести не трогали его, радости не веселили. И вдруг он, чужой здесь всем старик, почти плачет от радости, что Дорка там, в лавочке, подошла к нему и сказала:

— Господь Иисус Христос воздаст вам за всё то добро, что вы сделали Самко.

И старика от души радовало то, что молодые Самко и Дорка так любят друг друга, что они оба

такие милые, что они будут счастливы и что в этом помог им также и он.

Самко и Мефодий тоже благодарили Давида, и это ещё более обрадовало старика. Он, сидя на скамейке, рассуждал:

— Жил один, все заботы брал на одного себя и был несчастлив. Случился поворот: приблизился я к людям, сделал кое-что им, и счастье стало вдруг ко мне также ближе, улыбнулось и мне. Я понимаю теперь, почему Бог повелел нам любить ближних, как себя. Их счастье — наше счастье.

„Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих“ (Мф. 20:28) — так сказал мой Спаситель, — прошептал невольно старый Давид и, выпрямившись, поднял свой взор к безоблачному звёздному небу:

— О Адонаи Господь! Не покинь меня, не отвернись от недостойного, если я сказал об Иисусе Христе — мой Спаситель. Я беспомощный и слабый человек: Иерусалима нет, храм разрушен, жертвенник забыт, и нечем мне умиловить Твою правду святую за мои скверны. Мне нужна жертва заклания. И я верю, что Иисус Христос есть достойная жертва небу за грехи земли. Если эта моя вера ошибочна и греховна, то Ты, Бог Иакова и моих предков, порази меня сейчас же, на этом месте. Пусть по

одному из этих холодных и тоскливых лучей месяца сойдёт с неба Твой Ангел смерти и уничтожит меня. Но если моя вера истинная, то правдою и страданием Христа, Сына Твоего, дай мне новое сердце и новую жизнь. Я верю, что Он, мой Мессия, мой Спаситель, пришёл, что Он творит Своё дело избавления людей от ада. Я чувствую, что Он обновил меня, что Он вошёл в меня и во мне живёт.

Старый Давид прижал обе руки к сердцу, и лицо его озарилось таким внутренним светом, что он казался одним из старцев, окружающих престол Божий.

Старик теперь уже не с собою рассуждал, а обращался к Самому Богу:

— Я, как Давид, взывал всегда: „Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего“ (Пс. 118:18). Бог отцов моих — Авраама, Исаака и Иакова, — Ты услышал мою мольбу и открыл мне Слово Твоё. Я упирался: не знал и не хотел знать Сына Твоего. Теперь иное: не хочу быть, как Савл. Теперь я познал, что Иисус из Назарета есть Христос, Мессия, Сын Твой и что Ты Его послал на землю к нам.

Старик умолк. Только губы его шевелились. Что шептали они — это осталось тайною между старым евреем и вечным Богом. Из глаз, устремлённых на небо, текли слёзы. То были слёзы горести за прожитые ранее долгие годы скорби и лишений, слёзы ребёнка, который искал Отца

и которого Отец наконец прижал к Своему любящему сердцу.

Так, с молитвою и с чистым кротким сердцем старый еврей поднялся вслед за ласточками, чтобы по верному пути „лететь“ к Богу. Поздно, в исход двенадцатого часа его унылой и одинокой жизни, проснулась душа, и неугасимый свет вечной жизни ярко осветил и его сердце.

И долго просидел старик, погружённый в глубокую думу. Не слышал он приближающихся шагов, не видел и того, что недалеко от него остановился парень, которого он так горячо хотел видеть и о ком так пламенно молился сейчас в своём сердце.

Вдруг в деревне послышался крик. Какому-то пьянице улица показалась тесною, и он требовал, чтобы ему расширили дорогу, раздвинули дома. Старик очнулся, повернул голову и увидел, что он не один. Обрадовался гостю, усадил рядом на скамью и сказал Мефодию, как некогда Руфь Ноемини:

— Твой Бог — мой Бог! И твой Спаситель — мой Спаситель.

— Хвала Богу! — восторженно произнёс Мефодий после того, как старый еврей ему подробно рассказал о своём духовном обновлении. — Хвала Богу! Обетования Его — вечная истина, и кто Ему верит, тот не постыдится. Я, вот, молил Бога, чтобы Он указал мне вас...

— Меня? — удивился старик.

— Да, вас. Сегодня, когда вы стали достоянием Иисуса Христа, дорогой отец, я могу и должен сказать вам наконец, что я никогда и не заглянул бы в эту деревню, если бы не жили здесь вы. Не удивляйтесь, не смотрите на меня с таким недоумением. Вы в своей молитве сейчас упомянули, что я призвал вас ко Христу, как Филипп Нафанаила. Это правильно, Филипп искал Нафанаила, чтобы призвать. Искал и я вас.

— Искал?.. Ты?.. Меня?.. Разве ты знал меня прежде? Не понимаю... На что я тебе был нужен?

— Я объясню сейчас. Был у меня знакомый, о существовании которого вы и не знали, но который любил вас до последнего часа своей жизни. Я уже говорил вам однажды, что некий урождённый еврей привёл меня к познанию истины. Имя этого моего благодетеля, которого я никогда не перестану благословлять, было Рувим Соколов. Он был сыном богатого русского еврея, а мать его была тем чудным дитём, которое вы и доселе не перестаёте оплакивать, — ваша дочь Эсфирь.

— Мефодий! — закричал старик и заметался.
— Мефодий, ты знал мою дочь, моё дорогое дитя? Ты видел её? Был с нею знаком? Какова была она?..

— Да, я знал её, но никогда её не видел. Я видел её лишь на фотографии, где она была ещё

невестой. Сама она умерла незадолго до того, как я познакомился с Рувимом Соколовым.

— Умерла? Значит, я не увижу её?

— Увидите: у Бога, в новой жизни. А в этой жизни она умерла с молитвой о вас и с вашим именем на устах.

— Так разве она обо мне что-то знала?

— Всё. Мать, ваша жена, всё рассказала дочери и научила её любить вас.

— Моя жена?

— Да, ваша жена. Она, бедная, вынесла более, чем заслуживала. Она скоро осознала свою вину и хотела вернуться, но её не пустили. Ей сказали, что вы очень сердиты на неё, и когда от вас пришёл развод, она поверила этому и вышла замуж за того, кто её увлек, но она не была счастлива и умерла незадолго до свадьбы дочери, которая потом с мужем уехала в Канаду.

Там Господь привёл к познанию правды Христовой сначала мужа вашей дочери, а потом и её саму, а они уже крестили и сына Рувима. Много труда и жертв вложили они в воспитание своего детища и добивались лишь одного, чтобы он стал проповедником Евангелия среди своего еврейского народа. Желание их исполнилось. Отцу даже удалось, хотя и недолго, слышать проповеди сына. Когда этот сын и меня, христианина только по имени и по рождению, сделал также христианином в душе, отец его скоро умер, и я остался с моим другом, потерявшим

родителей. Как я его любил! Но ещё более любил меня он. Он узнал, что я словак из Венгрии, и рассказал мне, что в Венгрии у него есть дед и что покойная мать его взяла с него обещание этого деда найти. Поэтому каждый раз, когда мы молились вместе, он прежде всего молил Бога о благополучии деда и о возможности найти его.

Однажды он послал меня в Пенсильванию, где, как он слышал, было немало словаков из Венгрии. Мы надеялись, что через них нам, может быть, удастся кое-что узнать о старом Давиде. И это было указание Божие, что после долгих и напрасных поисков я встретил, наконец, молодого зятя Ондрачика, который теперь из-за болезни опять вернулся сюда, на родину. Это было вскоре после его прибытия в Америку. От него я и узнал кое-что о старом Давиде, от которого ушла его жена. Тогда мы запросили Градово письмом и узнали всё. Старый Давид, дед Давид, которого мы искали, был здесь. Радости Рувима не было конца, и он не знал, как благодарить Бога, что Господь дал ему возможность найти и просветить учением Христовым деда. Рувим решил приехать сюда. Но Господь, Хозяин жизни и смерти, решил по-другому. Рувим был так занят Божьим делом, что не смог сразу собраться. Тысячи людей возлагали на Рувима все свои надежды, и он считал себя не вправе вдруг всё оставить. А потом случилась

беда, сильная простуда, и внук ваш, дорогой сосед, скончался. Его чистая душа пошла на небо, куда она стремилась всю свою земную жизнь.

Я хорошо знал, какое это для него горе, что он не донёс свет Евангелия до своего деда. Но если это ему не удалось — что мешало мне исполнить это вместо него? И я в его последний, предсмертный час пред лицом Бога обещал ему, что приложу все силы, чтобы привести его деда ко Христу, чтобы старик, если он здесь на земле не видел своей дочери и внука, мог встретиться и быть вместе с ними в вечности. Рувим умер с именем Христа на устах. Мы похоронили и оплакали его, а затем я с его поручением, как наследник его дела, отправился в Градово.

Я понимал, что старого Давида, претерпевшего столько обид и горечи в жизни, скоро не возьмёшь и что, если прийти к нему и сказать о завещании его внука, он или не поверит, или не захочет даже слушать меня: Давид ведь был еврей, а его внук умер христианином. Дело обещало быть долгим.

Чтобы быть к старику как можно ближе, я нанялся к Ондрачику в работники и молил Бога, чтобы Он дал мне силы обратить сердце старого еврея ко Христу. Вышло очень удачно. Простой работник не вызывал подозрения в еврее. Только сразу ведь уважение и доверие человека нельзя завоевать, нужно время, а я боялся,

чтобы зять Ондрачика, вернувшийся домой из Пенсильвании, не узнал меня. К счастью, он меня не узнал. При нашей первой встрече у меня была борода, да и платье на мне было иное — я не был одет работником.

Вечером, в день свадьбы у Петрачей, я хотел было тебе всё рассказать, но не удалось. Тогда я решил ещё остаться в Градове до тех пор, пока не услышу из уст деда моего друга, что он нашёл Христа Мессию и принял его как своего Спасителя. Теперь я всё сказал и благодарю моего Господа за то, что Он дал мне силы выполнить моё обещание, а также за то, что я не напрасно пробыл здесь два года. Теперь я могу спокойно уйти отсюда: поручение вашего внука исполнено.

Мефодий поднялся. Поднялся и старый Давид, поражённый услышанным рассказом. Он, как во сне, пошёл за молодым другом в дом. Войдя в дом, Мефодий запер дверь, зажёл свечу и из бокового кармана на груди достал дорогие для старика фотографии. То были портреты горько оплакиваемых им дочери, её мужа, Соколова, и чудный портрет внука, самое лицо которого говорило о светлой душе.

— Вот, мой дорогой сосед, ваши сокровища, а вот ещё, пожалуй, более дорогое — Новый Завет, книга, с которой Рувим проповедовал Христа. Читайте его. Прочтите всё до конца, и завтра, если Богу будет угодно и если мы будем

живы, я приду опять к вам и помогу вам решить те вопросы, которые ночью за чтением у вас могут возникнуть.

Мефодий пошёл домой, а старик остался один со своими сокровищами и со своим Богом, неизмеримую любовь Которого он только сегодня впервые познал полностью.

На другой день, рано утром, Мефодий с Андреем поехали в лес за дровами. Они повалили громадный дуб и вернулись домой почти к вечеру. Оба были усталые и голодные, поели и легли спать. Наутро, едва только стали собираться к завтраку, Ондрачик встретил в саду работника и сказал ему:

— Послушай, вчера тут был у нас старый Давид и рассказывал такие удивительные вещи, что я отказываюсь верить.

— Почему отказываетесь верить? — весело улыбнулся Мефодий.

— Да разве это правда, что ты будто бы только ради старого еврея явился сюда, в Градово?

— Да, ради него.

— Быть не может! — удивлялся подошедший зять Ондрачика.

— А разве ты и теперь не можешь узнать меня? — всё также весело улыбаясь, спросил Мефодий.

— Узнать?.. Тебя?..

— Ну да, меня. Помнишь ли ты молодого человека, который был у тебя в Пенсильвании,

в Америке, и расспрашивал тебя о твоей деревне и о старом Давиде?

— Ах ты, Боже мой! — всплеснул руками молодой крестьянин. — Теперь я всё понимаю: недаром ты мне всё время кого-то напоминал. Но ведь ты тогда носил бороду, да и платье на тебе было нарядное, а сейчас?..

— Что ж, разве сейчас я не нравлюсь тебе? — рассмеялся Мефодий.

— Постой! — перебил Ондрачик. — Тогда, если правда, что говорил тут старый Давид, ты раньше никогда не был в работниках и тебе не было нужды в крестьянской работе?

— Это верно. Я получил от родителей большое наследство, и я вполне обеспечен.

— Как же ты тогда мог среди нас жить и так унижить себя ради еврея?

— Нет ничего удивительного!.. Я знаю одного Сына Царя царей, Которого знаете и вы, Который оставил престол и венец и не два года, а целых 33 года служил нам из любви в унижении. После этого разве может быть речь о двух годах моей службы одному человеку? Кроме того, мне так хорошо было здесь у вас, вы все любили меня, и я думаю, что и я был вам небесполезен. Кто знает, что ещё ждёт меня в жизни? Работником, может быть, действительно более не буду, но одно знаю, что два года, прожитые мною у вас в работниках, будут навсегда счастливейшими годами моей жизни.

Приветливое и улыбающееся лицо работника сделалось серьёзным, и они не стали более говорить об этом; их позвали завтракать. За завтраком разговор шёл о Дорке и Самко, как они заживут в новом доме.

ГЛАВА VIII

Опять был воскресный полдень. Осенний туман спускался на горы и долины, листья опадали. В дубовом лесу, на том самом месте, где Мефодий рассказывал, как ласточки собираются и летят домой, и где дети тесной толпой окружали своего „дядю“, сидел Самко, но на этот раз один. Мефодия не было в Градове, и дети уж не кричали более: „Дядя Мефодий, дядя Мефодий!“ Мефодий ушёл. Кончил свою службу у Ондрачика, построил дом, относительно которого теперь стало известно, что он и не строил его для себя вовсе, а только для того, чтобы показать градовцам, как нужно и можно строить удобные дома, а затем исчез. Исчез так же внезапно, как и явился сюда. Держать его никто не мог, он был нездешний.

Самко опустил голову на руки и, благо никто не видел, горько плакал (в который уже раз!) о

своём товарище. Он знал, что другого такого ему уж не найти. Кто бы мог подумать, что за какие-нибудь два года всё так переменится?! Как были теперь все счастливы у Петрачей: и старики, и сёстры, и зять, и он, Самко, с Доркой в прекрасном доме Мефодия. А возрождённая семья бывшего горького пьяницы Подгайского! А дом Ондрачика, где все славят Бога каждым своим словом, каждым делом, всей своей жизнью! Кто всё это сделал? Работник Ондрачика.

„Да, это был действительно работник, — думал Самко, — только не просто Ондрачика работник, а работник Божий. И сколько ещё Божьей работы ждёт своих работников!“

Самко оглянулся и вспомнил: вот здесь они сидели с Мефодием, вот здесь он рассказывал о ласточках. Сам Мефодий улетел в более тёплые страны. Только назад уж более в гнездо, которое он построил, он не вернётся. Соседи знали, что дом „на болоте“, как они прозвали его, был выстроен для старого Давида на деньги, оставленные ему внуком. Давид будет там на покое доживать свой век: внук завещал ему достаточные средства.

Мефодий хорошо придумал, чтобы Самко и Дорка жили в доме Давида: он не был бы один и они могли ухаживать за ним. Но старый Давид этого не захотел. Его томило желание видеть могилы дочери, зятя и внука и быть погребё-

бённым подле них, чтобы, если хоть не при жизни, то после смерти находиться рядом.

Так толковали в деревне. Но Самко полагал иначе. Он знал, что старик умер бы, если бы должен был расстаться с Мефодием. Самко не удивлялся этому, он понимал это. Он часто и сам думал, что не будь у него родителей и любимой жены, и он пошёл бы за своим другом.

Теперь же Петрачи вместе с Ондрачиками купили у Давида дом для детей. Старик продал им всё почти за полцены, а старую хижину подарил старухе, матери Мартына, чтобы она освободила место у Подгайских, где было очень уж тесно от детей: порядком-таки их там набралось.

Старик Давид собрался в путь. Его провожали всей деревней и напутствовали благословениями.

— Если увидишь где Мефодия, кланяйся ему, — говорили градовцы. — Скажи, что мы помним его.

„Помним“. Но долго ли? Будут ли градовцы и впредь помнить работника Ондрачика? Кто знает.

Имя, может быть, и забудется. Но будут помнить и один другому передавать, как однажды явился некий работник и изменил всю их жизнь. Он сам исчезнет из памяти, но не исчезнет из их жизни свет правды и тепло любви, которые он заронил здесь.